
История (не)
Белоснежки
Ямиля Нарт

Ямиля Нарт

История (не) Белоснежки

«Литнет»
2026

Нарт Я.

История (не) Белоснежки / Я. Нарт — «Литнет», 2026

Умерла в своем мире, а оказалась... в детской сказке? Да еще и в теле мачехи, которую ждет печальный конец? Моя новая жизнь в роли королевы Морганы начинается с череды неприятных открытий. Падчерица Белоснежка боится меня как огня, придворные давно обнаглели и не скрывают пренебрежения, а казна королевства пуста. Соседний король уже точит меч, почуяв слабость.И на фоне всех этих проблем зловещее волшебное зеркало, в котором заключен язвительный мужчина, кажется не самой главной угрозой.Ну ничего, мы и королевство поднимем, и любовь найдем, и Белоснежку воспитаем.Тут будут: - интриги при дворе - прогрессорство: от земельных реформ до книгопечатания - медленное развитие отношений: от тюремщицы и пленника к партнёрам и возлюбленным. - магический брак - умная и сильная главная героиня, которая не боится воевать с врагом его же оружием.Это спокойная сказка для тех, кто устал от спешки и тревог.Однотомник

© Нарт Я., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Новое и старое 5
Глава 2. Первые шаги 7
Глава 3. Измененная рутина 10
Глава 4. Новые идеи, новые проблемы 15
Глава 5. Зеркало, казна и городские тени 20
Глава 6. Тени при дворе 25
Глава 7. Доклад 30
Глава 8. Налаживание связей ч1 34
Глава 9. Налаживание связей ч2 38
Глава 10. Эскалация 41
Глава 11. Прямая трансляция 46
Глава 12. Точка кипения 50
Глава 13. Раскаяние 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Глава 1. Новое и старое

Просыпалась я долго и мучительно. Я пробивалась сознанием сквозь липкую, дурманящую пелену.

Первым пришло осознание того, что боль отступила. Я лежала и не верила. Неужели так бывает? Годами я существовала в одном сплошном приступе агонии, не было и дня без боли. А сейчас была просто глухая, разлитая по костям усталость.

Потом я ощутила запах. Спертый воздух, пахнущий лекарственными травами, дорогими духами с удушающей сладостью амбры и чем-то кислым, отдающим болезнью. Я лежала на спине, укутанная в невероятно мягкое, но тяжелое одеяло.

Я медленно открыла глаза.

Над головой простирался балдахин из темно-бардового бархата. Потолок был не белым и ровным, как в палате, а темным, из грубых резных балок. Я повернула голову. Рядом с массивной кроватью, на прикроватном столике, теснился целый лес стеклянных флаконов и пузырьков. Одни были из темного стекла, другие — прозрачные, с мутными жидкостями внутри. Лекарства. Я вдруг поняла: это отвар шалфея и чертополоха, чтобы усмирить боль в животе.

Но это была не моя боль.

Воспоминания хлынули разом, перебивая друг друга. Я помнила свою палату, запах хлорки, лицо медсестры. Я помнила свое имя — Ирина. Раньше я была школьной учительницей и бухгалтером, причудливо поменяв профессию. И у меня был рак легких.

И я помнила другое. Длинные коридоры каменного замка, тяжесть короны на волосах, горький вкус зелья на губах. Политических брак на мужчине, у которого уже была дочка. Смерть мужа от нападения разбойников. Имя — Моргана.

Я попыталась сесть. Тело было чужим, непослушным и тяжелым. Одеяло соскользнуло, и я увидела руки. Длинные, бледные пальцы с идеально очерченными ногтями. На безымянном левой руки сверкал массивный перстень с темным, почти черным камнем. Я сжала пальцы, ощутив холод металла и гладкую поверхность камня. Это всё было не мое.

В горле пересохло, сердце заколотилось где-то у горла. Я задышала чаще, и спертый воздух снова обрушился на меня удушающей волной. Мне было нечем дышать. Комната, огромная и роскошная, с каменными стенами, гобеленами и темной резной мебелью, давила на меня. Мне нужен был воздух.

Я с трудом откинула тяжелое одеяло, сшитое из плотной ткани. Мои ноги, чужие и непослушные, опустились на прохладный каменный пол. Я оперлась о резной столбик кровати и постояла так минуту, пытаясь отдышаться. Каждый шаг отнимал последние силы. Комната плыла перед глазами. Я добралась до большого стрельчатого окна, затянутого свинцовыми переплетами. Тяжелые бархатные занавеси были отдернуты, но створки плотно закрыты. Я с трудом нашла железную скобу-задвижку. Она поддалась с сухим скрежетом. Я из последних сил нажала на деревянную раму, и створка с стоном распахнулась внутрь.

Ворвался воздух. Холодный, чистый, пахнущий хвоей и мокрым камнем. Я прислонилась лбом к прохладному стеклу и сделала глубокий, настоящий вдох. Впервые за долгие месяцы, а может, и годы, в легкие не больно было набирать воздух. Я стояла, дышала и чувствовала, как дрожь в руках понемногу утихает, а туман в голове рассеивается.

Внезапно за моей спиной резко распахнулась дверь.

— Ваше Величество!

Испуганный вскрик заставил меня вздрогнуть и обернуться. В дверях стояла пожилая женщина в темном простом платье и белом чепце. Ее лицо было бледным от ужаса.

— Вы простудитесь! Вы же совсем больны! — ее голос дрожал от неподдельной тревоги. Она поспешила ко мне, но остановилась в нескольких шагах, словно боясь переступить какую-то невидимую грань.

Я смотрела на нее, и в голове само собой всплыло имя. Фрида. Главная служанка. Ее сын служит в королевской страже.

— Я… мне было душно, — мой голос прозвучал хрипло и непривычно низко.

— Конечно, душно, вы же сами приказали не открывать окна, ваше величество! — женщина, не решаясь прикоснуться ко мне, металась между мной и кроватью. — Пожалуйста, ложитесь. Я принесла свежий отвар.

Я покачала головой. Мысль о том, чтобы снова проглотить эту горькую смесь, вызывала отвращение.

— Нет. Просто… помоги мне сесть.

Фрида осторожно взяла меня под локоть и проводила до кресла у камина, где уже тлели угли. Ее прикосновение было твердым и уверенным. Она поправила подушки за моей спиной.

Мое внимание привлекло движение в дверном проеме. В щели между тяжелой дверью и косяком мелькнуло пятно цвета. Я повернула голову.

В коридоре, прижавшись к стене, стояла девочка. Лет семи-восьми. Иссиня-черные короткие волосы, и бледное, испуганное личико. А губы… губы были такие алые, будто ее только что угостили малиновым вареньем. И кожа белая, как первый снег. Она смотрела на меня огромными, темными глазами, полными неподдельного страха

И тут оба набора воспоминаний — Ирины и Морганы — сомкнулись в одной оглушительной точке. Девочка. Падчерица. Белоснежка.

Сердце упало куда-то в бездну. Я не просто в другом теле. Я в сказке. В той самой, где злая королева-мачеха приказывает зарезать падчерицу и принести ее сердце в ларце. Где она велит отравить яблоком самую красивую девушку в королевстве.

Во рту пересохло. Я смотрела на эту девочку, такую юную и беззащитную, и воспоминания Морганы обрушились на меня лавиной. Постоянные придирки. Унизительные поручения. Моргана приказала ей носить лохмотья, запретила появляться на официальных приемах. Я вспомнила холодную, жестокую ненависть, которую эта женщина, чье тело я теперь занимала, испытывала к собственному покойному мужу и к этой ни в чем не повинной девочке.

Белоснежка встретила мой взгляд и тут же опустила глаза, инстинктивно отшатнувшись назад, словно ожидая окрика или удара. Ее пальцы сжали ручку корзинки так, что костяшки побелели.

Я не смогла сдержать стон. Он вырвался сам, тихий и горький. Я отвернулась к камину, не в силах больше видеть этот испуганный, покорный взгляд. Что я наделала? Вернее, что она наделала, эта прошлая королева? И что теперь делать мне?

Фрида, решив, что мне снова плохо, встревоженно засуетилась.

— Ваше величество? Вам дурно? Я сейчас позову лекаря!

— Нет, — я с силой качнула головой, все еще глядя на огонь. — Оставь меня, Фрида. Одну.

Служанка на мгновение замерла, затем беззвучно поклонилась и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Я осталась сидеть в кресле, слушая, как трещат угли, и пытаясь осознать весь ужас своего нового положения. Я была злодеем из сказки. И сказка эта имела для злодея очень плохой конец.

Глава 2. Первые шаги

Мне снился кошмар.Я металась на больничной койке, задыхаясь от крови в лёгких. Сквозь туман боли пробивался злобный шепот. Я проснулась с криком, который застрял в горле. Сердце бешено колотилось.

Я лежала неподвижно, впиваясь взглядом в уже знакомые резные балки потолка. А что, если этот замок, это тело — лишь галлюцинация перед смертью? Сейчас я очнусь в палате с трубками, и вернётся тошнотворная боль.

Медленно, боясь спугнуть реальность, я подняла руку. Длинные бледные пальцы, ухоженные ногти, тяжёлый перстень. Я сжала кулак, ощутив, как металл впивается в кожу. Нет, это не сон. Я все еще здесь. Меня охватила волна дикого, животного облегчения. Легкие и кости были целы, ничего не болело. Я жива по-настоящему. Я позволила себе глубокий, облегченный вздох. Возвращаться в то больное тело я не хотела ни за что.

Решив окончательно утвердиться в новой реальности, я села и принялась внимательно осматривать комнату. Вчерашняя паника немного отступила, уступив место любопытству. Взгляд скользнул по стенам, по массивной мебели, и остановился на небольшой двери в углу. Уборная. Интересно, какой здесь уровень комфорта.

Я подошла и открыла ее. Каменное аскетичное помещение, внутри фаянсовая чаша с цепочкой и подобие ванны. Я потянула за цепочку. Вода без труб с тихим шелестом хлынула в чашу и бесшумно ушла. Сантехника уровня 18-19 веков, но без труб? Как?

Я закрыла глаза и порылась в чужих воспоминаниях. Ответ нашелся: всё работало на магии. Придворный маг Аларик создал и поддерживал эту систему. И следом за этим знанием хлынула другая память, от которой у меня перехватило дыхание. Я увидела его смуглое лицо с острыми чертами и зелеными глазами, услышала низкий голос, почувствовала прикосновение рук. Мы были любовниками. И связь началась задолго до смерти короля.

Меня бросило в жар, а потом в холод. Это было омерзительно. Я помнила презрение к мужу, который, судя по обрывкам памяти, относился к Моргане с уважением. И этот грех лежал теперь на мне тяжким, липким грузом. Нет, думать об этом сейчас я не могла. Нужно было отвлечься, заняться чем-то, чтобы не сойти с ума.

Я вышла обратно в спальню и продолжила свой осмотр. Комната была огромной, и в ее глубине, в алькове, стояло большое зеркало в массивной позолоченной раме, закрытое темной тканью. Знаменитое зеркало. Сердце екнуло. Я медленно подошла и, затаив дыхание, отдернула покрывало.

Я увидела бледное лицо Морганы, яркие рыжие волосы, свои новые, чужие черты. И вдруг из глубины стекла прозвучал тихий бархатный мужской голос.

— Приветствую, моя королева...

У меня отнялись ноги. Ледяной ужас пробежал по спине. Голос звучал прямо у меня в голове.

— Я вижу, тебе нездоровится. Позволь предложить свою помощь...

— Нет! — вырвалось у меня, и я с силой натянула ткань обратно. Я стояла, прислонившись к холодной стене, и дрожала мелкой дрожью. Это было слишком реально и слишком страшно.

В этот момент в комнату вошла Фрида. Ее взгляд скользнул по мне, по задернутому покрывалу, но она ничего не сказала.

— Ваше Величество, советник Конрад ожидает в кабинете с утренним докладом. Вам следует одеться.

Она достала из гардероба платье из плотного темно-синего бархата.

— Наденьте это. В замке сегодня особенно холодно, — ее тон был почти настойчивым.

Я не стала спорить. Но лишь когда я вышла из спальни и прошла по паре длинных, продуваемых сквозняками коридоров, я поняла ее настойчивость. Холод был пронизывающим, сырым, он пробирался сквозь толщу бархата и заставлял сжиматься окоченевшие пальцы. Казалось, камин в моей комнате был единственным теплым местом во всем замке.

Кабинет оказался просторным помещением с огромным дубовым столом, заваленным кипами пергаментов и бумаг. За столом меня ждал мужчина лет пятидесяти, с аккуратной седой бородкой и пронзительным, самоуверенным взглядом — советник Конрад. Он поклонился слишком быстро и небрежно

— Ваше Величество. Кажется, недомогание отступило? Приступаем к докладу.

Не дожидаясь ответа, он начал зачитывать что-то монотонным голосом о поставках зерна, налогах с деревень, расходах на содержание гвардии. Я села за стол, глядя на хаос из бумаг. Никакой системы, никакого порядка. Свитки были перемешаны с отдельными листами, некоторые лежали прямо на полу.

Я позволила ему говорить несколько минут, а потом мягко перебила.

— Покажите мне главную расходную книгу.

Конрад запнулся.

— Книгу? Ваше Величество, все документы здесь...

— Именно что все, — я провела рукой над столом. — Я хочу видеть сводный отчет. Доходы, расходы, остаток в казне.

Он что-то пробормотал, покопался в груде бумаг и извлек толстый, засаленный фолиант. Я открыла его. Записи были сделаны неразборчивым почерком, колонки смешаны. Базовые принципы бухгалтерии здесь, похоже, были неизвестны.

— Объясните вот эту статью, — я ткнула пальцем в крупную сумму, стоявшую напротив записи «на нужды замка». — Что конкретно в нее входит?

Конрад замялся.

— Это... продовольствие, дрова, свечи... всё, что требуется для содержания вашего замка, Ваше Величество.

— Разбейте эту сумму. Сколько именно было потрачено на дрова? Сколько на продовольствие для прислуги, а сколько — для королевского стола? И почему я не вижу отдельной строки на ремонт дорог, о котором вы только что упомянули?

Лицо советника начало меняться. Самоуверенность потихоньку таяла, уступая место растерянности и удивлению.

— Я... я предоставлю детализацию, Ваше Величество.

— Прекрасно. И пока вы будете этим заниматься, подсчитайте, сколько мы тратим в месяц на содержание гвардии, и замка, включая жалованье, экипировку и провиант. И сравните с поступающими налогами. Мне нужны точные цифры

Я говорила спокойно. Конрад смотрел на меня, будто впервые видел.

— И последнее, — я добавила, глядя ему прямо в глаза. — С сегодняшнего дня все новые документы будут вестись по новой форме. Я продиктую ее вам завтра. Этот хаос, — я указала на стол, — меня больше не устраивает.

Конрад поклонился на этот раз глубоко и почтительно, весь его надменный вид куда-то испарился.

— Как прикажете, Ваше Величество.

Он быстро ретировался, оставив меня одну в кабинете. Я откинулась на спинку кресла. Масштаб проблем был пугающим. Казна почти пуста, управление в хаосе. Но вместе со страхом пришла уверенность. За годы работы учителем, а затем и бухгалтером, я накопила достаточно знаний, чтобы навести порядок.

Вернувшись в покои, я застала Фриду, расставляющую завтрак на одну персону.

— Фрида, — сказала я, прежде чем та успела что-либо сказать. — Подай, пожалуйста, завтрак и для принцессы Белоснежки. И попроси ее присоединиться ко мне.

На лице служанки отразилось такое изумление, будто она увидела призрака. Она замерла с серебряным блюдом в руках.

— Но... Ваше Величество... вы никогда...

— Я знаю, что никогда, — прервала я ее. — Теперь буду. Пожалуйста, сделайте это.

Фрида молча кивнула и вышла, а я осталась ждать, чувствуя, как нервное напряжение сжимает мне желудок. Это была самая тяжелая часть.

Вскоре дверь приоткрылась, и в комнату робко вошла Белоснежка. Она была в простом сером платьице и выглядела еще бледнее и испуганнее, чем вчера. За ней как тень следовала няня, пожилая сухонькая женщина с застывшей маской подобострастия. Но ее глаза полыхали ненавистью. Память Морганы тут же услужливо подсказала причину: королева когда-то выслала из замка родню этой женщины за какую-то мелкую провинность, и по дороге на их карету напали разбойники. Все погибли. И теперь она была здесь, с Белоснежкой, день за днем шепча ей на ухо о злой мачехе. Проклятая Моргана, она создала себе врага в самом сердце замка.

Я указала на стул напротив себя.

— Садись.

Девочка неслышно подошла и села на самый краешек, готовая в любой момент сорваться и убежать. Она сжалась в комок, ее плечики дрожали. Она не смотрела на еду, а смотрела на меня, ожидая подвоха, оскорбления, приказа. Ее крошечные пальцы вцепились в край стола.

Фрида, стоявшая в стороне, наблюдала за этой сценой с неподдельным изумлением, не скрывая своего любопытства.

Гнетущая тишина висела в комнате, прерываемая лишь потрескиванием поленьев в камине. Нужно было что-то сказать. Я сделала над собой усилие и произнесла тихо, стараясь, чтобы в голосе не было ни капли привычной для Морганы насмешки или злобы:

— Булочка еще теплая. Попробуй.

Белоснежка вздрогнула, словно от окрика. Она посмотрела на булочку, потом на меня, и в ее огромных глазах читалось такое смятение, такой испуг, что, казалось, я кричала на нее битый час. Мой спокойный тон смутил ее гораздо больше, чем крик. Она медленно, будто боясь, что это ловушка, потянулась к булочке и отломила крошечный кусочек.

Я больше не говорила ничего. Просто сидела и ела, глядя в окно. Давить на нее было нельзя. Любое резкое движение, любое слово могло все испортить. Но когда я украдкой взглянула на няню, то увидела, что маска подобострастия на ее лице треснула, обнажив холодную, расчетливую злобу. Она понимала, что что-то изменилось. И ей это не нравилось.

Это была лишь первая, крошечная попытка. Но я знала, что путь предстоит долгий. И опасный.

Глава 3. Измененная рутина

Проснувшись, я первым делом прислушалась к своим ощущениям. Тело по-прежнему было чужим, но уже не таким тяжелым и непослушным. Я сделала глубокий вдох, наслаждаясь тем, как легкие наполнялись воздухом без привычной боли. Это простое, казалось бы, действие до сих пор вызывало во мне волну благодарности.

Сегодня у меня был план.

Позвав Фриду, я попросила помочь мне одеться — не в тяжелое бархатное платье, а в нечто более простое и удобное. Выбор оказался небогат, но мы нашли серое шерстяное платье без обилия украшений. Затем я объявила, что хочу спуститься на кухню

На лице Фриды отразилось неподдельное изумление.

— Но, Ваше Величество, там грязно и жарко... — начала она.

— Я справлюсь, — мягко, но твердо прервала я ее. — Проводи меня.

Путь по каменным коридорам был долгим и холодным. Кухня оказалась огромным помещением с низкими сводчатыми потолками, где царил жар от огромного очага. Воздух был густым от запахов жира, копченостей и специй. Повара и судомойки, завидя меня, замерли в немом потрясении, а потом бросились в низкие, несуразные поклоны.

Я подозвала главную кухарку, дородную женщину по имени Марта, с красным от жара лицом.

— Ваше Величество! Чем могу служить? — в ее голосе сквозила растерянность.

— С сегодняшнего дня мой рацион меняется, — объявила я, стараясь говорить четко и властно, как подобало Моргане. — Никаких тяжелых мясных блюд, жирных соусов и сдобных пирогов. Я буду есть легкую, правильную пищу.

— Но, Ваше Величество, вы всегда предпочитали жареного кабана, гуся в меду, колбасы...

— Я знаю, что предпочитала, — прервала я ее. — Теперь мои предпочтения изменились. Начнем с завтрака. Через час я жду в своих покоях овсяную кашу с медом и запеченными яблоками.

Я протянула ей листок пергамента, на котором с вечера написала несколько простых рецептов и список продуктов.

— И еще, — добавила я, уже поворачиваясь к выходу. — Пожалуйста, передайте принцессе Белоснежке, что я буду рада видеть ее на завтраке, если она пожелает со мной разделить трапезу.

Марта молча кивнула, сжимая в руках пергамент, как святую реликвию.

К моему удивлению и, признаться, трепету, когда в моей гостиной начали накрывать небольшой столик у камина, дверь приоткрылась, и в проеме показалась Белоснежка. Она была всё в том же простом сером платье, а за ее спиной, как тень, высилась фигура няни Агаты.

— Садись, — мягко сказала я, указывая на стул напротив. — Я велела подать нам завтрак.

Она неслышно подошла и села на самый краешек стула, сжимая в коленях маленькие кулачки. Ее глаза, огромные и темные, смотрели на меня с немым вопросом и страхом. Агата встала у ее стула, сложив руки на животе, ее лицо было каменной маской.

Слуги принесли две пиалы с дымящейся сладкой кашей, в которой утопали кусочки румяных запеченных яблок. Запах был божественным. Но Белоснежка лишь сжала руки на коленях и не дотрагивалась до ложки. Я видела, как она украдкой сглотнула слюну. Она была голодна.

И тогда я заметила, как ее взгляд на секунду метнулся в сторону няни, стоявшей у стены. Та ничего не говорила, но ее губы были плотно сжаты, а взгляд, устремленный на девочку, был красноречивее любых слов. Он говорил: «Нельзя».

Всё сложилось в голове в единую, отвратительную картину. Эта женщина, пользуясь своим влиянием на девочку, убедила ее, что еда от мачехи может быть отравлена.

Гнев, горячий и резкий, подкатил к моему горлу. Но я знала, что криком и приказом ничего не добьюсь. Я демонстративно и медленно подняла свою ложку, зачерпнула каши и съела.

— Белоснежка, — сказала я тихо. Девочка вздрогнула. Я взяла свою миску с кашей и поставила ее перед ней. Затем взяла ее миску и поставила перед собой. — Если ты боишься своей каши, ешь мою. Я уже попробовала, видишь? Она безопасна.

Я зачерпнула ложку из ее бывшей миски и съела. Каша была такой же вкусной.

Белоснежка смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Сомнение боролось в них с голодом и детским любопытством. Наконец, она робко взяла ложку и поднесла ко рту первый кусочек. Потом второй. Вскоре она ела уже быстро, с явным удовольствием, не поднимая глаз от тарелки.

Я снова посмотрела на няню. На ее лице застыла маска холодной ярости. Так больше продолжаться не могло.

— Фрида, няня, все слуги, покиньте нас, пожалуйста, — сказала я твердо. — Я хочу поговорить с принцессой наедине.

Фрида сразу же направилась к выходу. Няня Агата замешкалась, ее глаза, полные ненависти, впились в меня.

— Ваше Величество, принцесса еще мала, ей нужен присмотр…

— Я сказала, выйдите, — повторила я, и в моем голосе прозвучали металлические нотки Морганы.

Она скрипнула зубами, низко, почти пародийно поклонилась и вышла, но я видела, с каким нежеланием она это делала. Дверь закрылась с тихим щелчком. Мы остались одни. Тишину нарушало лишь потрескивание поленьев и тихое позвякивание ложки девочки о фаянс.

В комнате воцарилась тишина. Белоснежка снова сжалась в комок, испуганно глядя на меня. Я тяжело вздохнула. Теперь самое трудное.

— Я знаю, что ты боишься меня. И у тебя есть на то причины.

— Я хочу рассказать тебе одну историю, — начала я тихо, глядя на огонь. — Случилось это несколько дней назад, когда я была так больна, что уже почти не приходила в себя. Ко мне явились три феи. Одна — в сверкающих одеждах, и она показала мне будущее. Будущее, в котором меня ждал… очень плохой конец. Другая, в темных покрывалах, показала мне мое прошлое. А третья, в простом сером платье, показала настоящее. И то, что я увидела мне очень не понравилось.

Девочка медленно подняла на меня глаза. В них читалось любопытство.

— Они показали мне многое. И я хочу рассказать тебе о том, какой была моя жизнь. Почему я стала... такой.

Я откинулась на спинку стула, глядя на потрескивающие в камине поленья, и начала свой рассказ, стараясь говорить просто и понятно, как рассказывала бы сказку ребенку.

— Фея прошлого показала мне мои детские воспоминания. Я родилась далеко на севере, в маленьком, но гордом королевстве. Мои родители не ждали и не хотели дочку. С самого детства мне повторяли: «Твоя единственная ценность — это твоя внешность и происхождение. Ты должна быть безупречна, чтобы быть полезной».

Я видела, как Белоснежка слушает, не отрываясь. Ее страх понемногу уступал место интересу.

— Моя мать проводила со мной часы перед зеркалом. Она учила меня, как сидеть, как улыбаться, как говорить. Она заставляла меня повторять: «Я — самая прекрасная. Это моя сила». А если я ошибалась на уроках этикета или, как ей казалось, выглядела недостаточно

хорошо в тот или иной день, она просто переставала со мной разговаривать. Смотрела на меня, как на пустое место.

Когда мне было шестнадцать, мой отец проиграл небольшую пограничную войну. Политический союз стал не нужен. Принц, за которого меня готовили выйти замуж с пеленок, прислал письмо. Он писал, что нашел «более выгодную партию». Меня отвергли. И единственная причина, которую я понимала, была в том, что я оказалась «недостаточно хороша». Недостаточно красива. Недостаточно ценна. Моя собственная семья стала относиться ко мне как к испорченному товару, к обузе.

Я рискнула взглянуть на нее. Она сидела, обхватив свои худенькие колени, и смотрела на меня с зарождающимся сочувствием. Дети понимают язык несправедливости лучше взрослых.

— А потом, — продолжила я, — твой отец, король-вдовец, предложил мне руку и сердце. Это тоже был договор. Он получал союз, а мой род — избавлялся от меня.

Я посмотрела на девочку.

— Твой отец был всегда вежлив со мной, но холоден. А потом он показал мне портрет твоей матери. Он сказал, что она была ангелом во плоти. И я поняла, что всегда буду для него лишь жалкой подделкой настоящей красоты. А ты... ты была ее точной копией. Все в замке обожали тебя, видя в тебе ее живое воплощение.

Я сделала паузу, давая ей понять мои слова.

— Феи показали мне, как моя боль и страх превратились в злость. Я боялась, что ты, подрастая, затмишь меня. Что все увидят, что я — «недостаточно хороша». И я пыталась унизить тебя, запереть, спрятать. Чтобы доказать самой себе, что я все еще имею какую-то ценность. Это была неправильная, ужасная борьба. И я глубоко сожалею обо всем, что причинила тебе боль. Фея Настоящего показала мне тебя – одинокую, напуганную девочку, которая потеряла отца и оказалась во власти чужой, злой женщины. И я поняла, какое чудовище я из себя воздвигла. Я увидела в тебе свое отражение. И поняла, что веду себя точно так же, как те, кто когда-то сделал больно мне. Я стала тем самым монстром, которого боялась. Я вымещала на тебе всю свою злость и обиду за ту, прежнюю боль.

— Почему? — прошептала она едва слышно.

— Потому что была глупой и трусливой, — честно ответила я. — Мне казалось, что если я буду самой сильной и самой красивой, меня больше никогда не обидят. А твоя красота… твоя чистота… напоминали мне о том, что я могу снова оказаться не у дел. Снова стать ненужной. Это неправильно. Это ужасно неправильно, и я это поняла.

— А… а Фея Будущего? — прошептала Белоснежка.

— Она показала мне два пути. Один – темный и холодный, ведущий в пропасть, если я продолжу быть злой и холодной. Другой пусть был трудным, но в конце его нас ждало счастье, если я изменюсь.

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Я выбрала второй путь. Я знаю, что слова ничего не стоят. Но я даю тебе клятву. Я клянусь тебе, что теперь все изменится, — сказала я тихо, но очень четко. Она молчала, переваривая услышанное. Недоверие все еще читалось в ее взгляде, но прежнего животного страха уже не было.

— Скоро твой день рождения, — сменила я тему, — Я, конечно, обеспечу тебя новыми платьями и игрушками, это само собой разумеется. Но я хочу, чтобы ты подумала и сказала мне, чего бы ты хотела особенного? О чем ты мечтаешь? Обещай, что подумаешь.

Девочка медленно кивнула.

— И еще одна просьба, — добавила я, понизив голос. — Наши с тобой разговоры и история о трех феях... это должен быть наш с тобой секрет, иначе феи больше не захотят помогать нам. Никто не должен знать, даже няня. Обещаешь хранить секрет?

Она кивнула, уже более уверенно. В ее глазах появилась какая-то искорка, крошечный огонек доверия или, по крайней мере, любопытства. Секрет создавал между нами странную, хрупкую связь.

— Обещаю.

Проводив ее, я почувствовала себя истощенной, но одновременно и легче. Первый шаг был сделан.

— Фрида, — позвала я. Служанка появилась мгновенно. — Принеси мне, пожалуйста, все учетные книги, документы, какие найдешь, за последний год. А также чистый пергамент, чернила и перья. И, Фрида... найди мне двух-трех слуг, которые умеют читать, писать и считать.

Пока Фрида ходила, я не стала ждать. Пододвинула к креслу большой стол и начала разбирать груду документов, принесенных из кабинета Конрада. Я создала три стопки. Первая — доходы: налоговые ведомости, отчеты о пошлинах, рентные платежи. Вторая — расходы: ведомости на жалованье гвардии и слуг, счета за поставки провизии, дров, тканей. Третья — всякая чепуха: прошения крестьян, доносы друг на друга придворных, личные письма, не имеющие отношения к управлению.

Я погрузилась в работу, и это было знакомо и успокаивающе. Цифры, колонки, подсчеты. Здесь я чувствовала себя уверенно. И довольно скоро я наткнулась на первое несоответствие. Два документа, касающихся одного и того же налога с восточной деревни. Один был датирован началом прошлой зимы, другой — ее концом. Суммы отличались почти вдвое, причем в более позднем документе сумма была меньше, хотя сборы, по идее, должны были только расти. Я взяла перо и поставила на полях обоих документов небольшой, но четкий восклицательный знак.

В это время вернулась Фрида с двумя людьми. Первой была молодая, почти девочка, с умными, цепкими глазами и руками, испачканными чернилами.

— Это Лина, Ваше Величество, — представила ее Фрида. — Помогает в библиотеке, дочь переплетчика. Отлично пишет и считает.

Вторым был пожилой, сухопарый мужчина с грустными глазами и безупречно прямой спиной.

— А это Томас, писец. Служил еще вашему… покойному супругу.

Томас поклонился с достоинством, но в его взгляде читалась настороженность. Он явно ожидал от меня чего-то плохого.

Я задала им несколько простых арифметических задач — на сложение, вычитание, проценты. Лина щелкала их как орешки, ее глаза горели азартом. Томас отвечал медленнее, но без единой ошибки, его почерк был каллиграфически четок.

— Прекрасно, — сказала я. — Теперь садитесь. Мы начинаем наводить порядок в этом хаосе.

Я объяснила им простую систему учета, которую сама когда-то использовала, работая бухгалтером. Мы начали сводить разрозненные данные в единые таблицы на чистом пергаменте. В процессе работы я задавала им вопросы — о том, как устроены налоги, как ведется сельское хозяйство в королевстве, есть ли в деревнях хоть какое-то подобие школ.

Ответы повергли меня в уныние. Система земледелия была примитивной, земля использовалась до полного истощения, а об урожайности и говорить не приходилось. Ни о каком трехпольном севообороте здесь и слыхом не слыхивали. Образование? Его попросту не существовало для простых людей. Грамоте и счету учились либо у частных учителей за большие деньги, либо в магических школах, если проявлялся дар.

Мы проработали до самого вечера. Когда Лина и Томас, сгибаясь под тяжестью бумаг, ушли, я почувствовала чудовищную усталость. Но это была приятная, созидательная усталость.

Вернувшись в свои покои, я села перед туалетным столиком и механически принялась расчесывать свои длинные рыжие волосы. Взгляд упал на батарею флаконов с косметикой Мор-

ганы. Я открыла один за другим. Пудра из толченого алебастра, румяна на основе кошенили, густые и неестественные. Кремы, пахнущие густым, удушающим мускусом и свиным жиром. Никаких легких текстур, никаких увлажняющих средств. Я с грустью подвела итоги своего невольного исследования: нормальной, здоровой уходовой косметики в этом мире не существовало.

В этот момент, без стука и предупреждения, дверь в мои покои распахнулась. В проеме стоял высокий мужчина в темных одеждах магов. Смуглое лицо с острыми чертами, пронзительные зеленые глаза, которые сейчас смотрели на меня с привычной властью и усмешкой.

Аларик.

Ледяной ужас сковал меня. Воспоминания Морганы нахлынули, горячие и постыдные. И среди них — холодное, четкое знание, от которого кровь застыла в жилах.

По вторникам у них всегда были свидания.

Аларик сделал шаг вперед, плотно закрыв за собой дверь.

— Моя королева, — произнес он своим низким, бархатным голосом, который звучал и в ушах, и в голове. — Я скучал.

Ужас, холодный и тошнотворный, сковал меня. Я не могла пошевелиться, не могла вымолвить ни слова. Я просто сидела и смотрела, как он приближается.

Глава 4. Новые идеи, новые проблемы

Я застыла, словно кролик перед удавом, не в силах пошевельнуться. Его властный взгляд скользнул по мне, задержался на расческе в моей застывшей руке, на флаконах, разбросанных по столику. Усмешка тронула его губы.

— Я скучал, — повторил он, делая еще шаг. Воздух в комнате стал густым и тяжелым. — Две недели у нас не было свиданий.

Да, потому что Моргана была больна.

Он был уже совсем близко. Я почувствовала запах дыма и чего-то острого, пряного. Память, грязная и навязчивая, подсказала, как этот запах ощущается на голой коже. Внутри всё кричало от отвращения и паники. Он наблюдал за мной несколько секунд, а затем, с лёгким недоумением на смуглом лице, наклонился и прижал свои губы к моим.

Его поцелуй был твёрдым и требовательным, полным уверенности в своём праве. Моё тело напряглось в абсолютном, животном неприятии. Губы его были твердыми, полными памяти о прошлой близости, которой я не разделяла и которой боялась.

Я застыла, не отвечая, все мое тело стало одним сплошным протестом. Я сжала кулаки, ногти впились в ладони.

Он почувствовал мое оцепенение, мою ледяную неподвижность. Его губы замерли, затем он медленно, с непонимающим выражением лица, отстранился. Зеленые глаза впились в меня

— Что, морн побери, происходит, Моргана? — его голос стал резким, без тени ласки. — Ты дрожишь, как загнанный зверь.

Я сделала глубокий, прерывистый вдох, отодвигаясь от него, нащупывая опору. Мне нужно было сказать что-то. Что угодно, лишь бы он ушел. Пришла пора избавляться от него, и лучшим оправданием была та же сказка, что и для Белоснежки, лишь слегка изменённая.

— Мы не можем больше, Аларик, — выдохнула я, глядя в пол. — Эти отношения… они должны прекратиться.

Он фыркнул, сложив руки на груди. Его тёмные одежды магистра поглощали свет, делая его фигуру ещё более зловещей.

— Прекратиться? Из-за чего? Из-за внезапного приступа добродетели? Слишком поздно для этого, моя дорогая.

— Не из-за добродетели! — голос мой сорвался, в нем зазвучали отчаянные нотки. Я обняла себя, пытаясь унять дрожь. — Из-за нас. Из-за королевства. Если мы продолжим, нас ждет плохой конец.

Он смотрел на меня, будто я говорила на незнакомом языке.

— Какой конец? О чем ты? Ты что, ходила к гадалкам?

Я покачала головой, снова вызвав в памяти ту ложь, что придумала для Белоснежки.

— Не гадалки. Ко мне приходили… феи. Во время болезни.

— Феи? — он произнес это слово с таким презрением, что мне стало стыдно за свою неуклюжую ложь. — Я маг, Моргана. Я изучал все сущности этого мира от низших духов до высших элементалей. Никогда, слышишь, никогда я не слышал о феях, которые являются правителям с подобными… предостережениями. Это чушь. Или ты принимаешь меня за дурака?

— Не чушь, — возразила я, заставляя свой голос звучать твёрдо. — Их было три. Одна показала мне прошлое, другая — настоящее, а третья… третья показала будущее.

Я посмотрела ему прямо в глаза, пытаясь вложить в свой взгляд всю возможную искренность.

— Если мы продолжим эти отношения, нас ждёт гибель. Позорная и быстрая. А если я не возьмусь за управление королевством прямо сейчас, не откажусь от всего, что меня отвлекает, то конец будет и у этой страны. Феи были предельно ясны.

Он слушал, и его скептицизм читался в каждом мускуле лица.

— Три феи, — протянул он, и в его голосе зазвенела сталь. — Забавно. Ты уверена, что это не было последствием твоего зелья? Или, может, тебе просто наскучила наша связь?

— Я никогда не была так уверена ни в чём, — солгала я, чувствуя, как подступает тошнота.

Он смерил меня долгим, тяжелым взглядом. Он видел, что я не шучу, что я непреклонна в своем решении, каким бы абсурдным оно ему ни казалось. Его глаза сузились, в них вспыхнул гнев. Холодный, ядовитый.

— Прекрасно, — прошипел он, отступая на шаг. — Если ты решила погрузиться в суеверия и отказаться от разума, то я не намерен здесь оставаться. Я не буду обслуживать капризы сумасшедшей королевы. Или ты образумишься, или завтра же мой кабинет будет пуст, а магические системы замка перестанут функционировать. Подумай, Моргана. Без меня это место превратится в разваленную, холодную руину.

Развернувшись, он вышел, хлопнув дверью с такой силой, что задребезжали стеклянные флакончики на столике. Я осталась сидеть, слушая отдающиеся в ушах удары собственного сердца. Волна облегчения накатила на меня, такая сильная, что я чуть не зарыдала. Он ушёл. Этот кошмар, эта постыдная связь, осталась в прошлом.

Но почти сразу же на смену облегчению пришла трезвая, холодная мысль. Его угроза была не пустой. Замок действительно держался на его магии. Без него всё развалится: водопровод, отопление, защитные чары и многое другое. Я не знала других магов, в памяти Морганы не было ни одной подобной связи. Это была огромная проблема, которую придётся решать, и решать срочно. Маги были замкнутой, гордой кастой. Аларик был единственным, кого она смогла привлечь. И теперь я его потеряла.

Я тяжело вздохнула и потянулась к гребешку, чтобы продолжить расчёсывать волосы, но тут из глубины комнаты, из-за плотной ткани, наброшенной на зеркало, прозвучал голос.

— Забавную вы причину, однако, придумали.

Я вздрогнула и подняла голову. Зеркало. Оно все слышало. Я промолчала, сжимая пальцы в кулаки. Не сейчас. Я не могла иметь дело еще и с ним.

— Однако ума не приложу, зачем вы разрываете отношения с Алариком, — продолжил голос, и в нем слышалось насмешливое любопытство. — Вы ведь приложили столько усилий, чтобы завлечь его в свою постель. И, может, подскажете, чем я заслужил такую немилость быть игнорируемым? Ведь я, в отличие от него, всегда с вами. И никогда не предавал.

Я вздохнула, сдаваясь. Я не могла игнорировать его вечно. Это создавало больше проблем, чем решало. Я заставила себя сосредоточиться, покопаться в памяти, чтобы найти все, что Моргана знала об этом зеркале.

Воспоминания всплыли медленно, обретая чёткость: долгие часы в башне с моей бабушкой, сложные чертежи, нарисованные на пергаменте её дрожащей рукой, запах горящих свечей и ладана. Она знала, что умирает, и хотела оставить мне защитника, советника. Мы вызвали демона. Бабушка, чья жизнь и так висела на волоске, пожертвовала последними её каплями, чтобы заключить его в зеркало. Демон, способный видеть и слышать всё, что происходит в мире, и неспособный противиться воле своей хозяйки.

Меня, Ирину, охватил настоящий ужас. Какими же надо быть отчаянными или безрассудными, чтобы пойти на такое. Такое обращение с живым существом, пусть и демонической природы, казалось мне чудовищным. Заключить в ловушку, лишить воли…

Я подошла к зеркалу, все еще затянутому тканью. Мои пальцы дрожали, когда я ухватилась за тяжелый бархат.

Я отдернула его.

Темное стекло отражало меня смутно, как призрака. В его глубине ничего не было, лишь мое бледное, искаженное страхом лицо.

— Скажи мне честно, — тихо, но четко произнесла я. — Я ведь всё еще твоя хозяйка? Подумай, прежде чем ответить. Бабушка… она связала тебя заклятьем. Действует ли оно до сих пор?

В глубине стекла что-то шевельнулось. Тишина затянулась. Казалось, сама сущность в зеркале переваривала мой вопрос, взвешивая каждое слово.

— Да, — наконец, прозвучал голос, и в нем я услышала нескрываемое, горькое разочарование. — Заклятье действует. Я не могу лгать тебе, моя королева, и не могу ослушаться прямого приказа. Да, ты все еще моя хозяйка.

Облегчение, острое и сладкое, затопило меня. У меня был хоть какой-то контроль. Я сделала глубокий вдох.

— Тогда слушай внимательно. То, что я скажу дальше — величайшая тайна. Ее не должен знать никто. Никогда.

Я подошла к зеркалу еще ближе, почти касаясь лбом холодного стекла.

— Я не та Моргана, которую ты знал. Та женщина, которая заключала тебя сюда, которая соблазняла Аларика, которая мучила Белоснежку… ее больше нет. Я из другого мира. Другого тела. Я умерла там и проснулась здесь, в ее теле, несколько дней назад. Я не знаю, как и почему это произошло. Но это правда.

И я рассказала всё, как было. Свою прошлую жизнь, больничную палату, болезнь, смерть и пробуждение здесь, в теле Морганы. Я видела, как поверхность зеркала колышется, пытаясь осмыслить услышанное. Его изумление было почти осязаемым.

В комнате воцарилась такая гробовая тишина, что я услышала бы, как пролетит муха. Демон молчал так долго, что я начала думать, не ошиблась ли я в силе заклятья.

— Вот… как… — наконец, прошептал он, и его голос звучал иначе. — Это многое объясняет…

— Теперь ты знаешь, — тихо сказала я. — И ты будешь хранить эту тайну.

— Приказ? — в его тоне снова проскользнула знакомая ехидство.

— Просьба, — поправила я. — Но, если тебе нужен приказ… да. Я приказываю тебе хранить молчание о моем происхождении.

— Как пожелаешь, моя… новая хозяйка, — он будто пробовал это обращение на вкус. — Это куда интереснее, чем я предполагал.

Я оставила его размышлять над открывшейся истиной и снова набросила покрывало. Мне нужно было время, чтобы самой все осознать.

Вскоре в дверь постучали. На пороге стоял Конрад с толстой папкой бумаг в руках. Его выражение лица было подобранным и почтительным, но в глазах я читала остатки растерянности с прошлой встречи.

— Ваше Величество, — он с почтительным поклоном положил бумаги передо мной. — Детализация расходов, как вы требовали. И подсчеты по гвардии и налогам.

Я взяла листы и принялась внимательно их изучать. Цифры были аккуратными, колонки ровными. Но чем дольше я в них вглядывалась, тем больше во мне закипало холодное негодование. Цифры не сходились. Они были красивыми, но лживыми. Расходы на продовольствие для прислуги были явно завышены, исходя из тех цен, что я успела узнать от Лины. Сумма на «хозяйственные нужды» включала в себя какие-то абстрактные «ремонтные работы», не подкрепленные ни сметами, ни отчетами подрядчиков.

Он лгал мне. Прямо в глаза. Уверенный, что я, как и раньше, лишь кивну и подпишу.

Я отложила бумаги в сторону и подняла на него взгляд. Я не выдала ни капли гнева. Мое лицо было спокойным, даже задумчивым.

— Благодарю вас, Конрад. Вы проделали большую работу.

На его лице вспыхнула гордость.

— Однако, — я сделала паузу, наблюдая, как его улыбка застывает. — Мне нужна еще одна вещь. Понимаете, я давно не делала премий своим верным слугам. Хочу исправить это упущение. Но чтобы назначить справедливую сумму, мне нужно понимать весь объем вашей работы и ее сложность.

Он насторожился, его глаза стали внимательными.

— Поэтому я хочу, чтобы вы подготовили для меня подробное описание всех ваших обязанностей. Всё, чем вы занимаетесь изо дня в день. Какие вопросы решаете, какие отчеты готовите, с кем взаимодействуете. Только, прошу вас, пишите максимально правдиво и подробно. Ведь такое задание я дала не только вам, — я солгала, глядя ему прямо в глаза. — Я буду всё сравнивать.

— И, Конрад, — я понизила голос до доверительного шепота, — никому не рассказывайте об этой премии и этом задании. Ведь все захотят премию, а я не хочу потом разбираться с их обидами, понимаете? Я дала такое задание лишь нескольким, наиболее важным для королевства людям. Чем более детальный отчет – тем больше монет вы получите, однако чужие обязанности приписывать нельзя.

Ложь сработала безупречно. Его глаза загорелись алчностью. Он явно представил, как обведёт вокруг пальца всех своих коллег и получит самый большой куш.

— Я понял, Ваше Величество! Будет исполнено! Я подготовлю самый детальный отчёт! — он поклонился уже с неподдельным энтузиазмом.

Он почти выпорхнул из кабинета, полный радостного возбуждения. На самом деле мне была нужна не информация для премии, а четкое, документальное свидетельство того, чем именно он должен был заниматься. Чтобы потом, когда я найду ему замену, новый человек мог войти в курс дела, а у меня были основания для увольнения Конрада за невыполнение обязанностей.

Вскоре к работе присоединились Лина и Томас. Мы продолжили разбирать бумаги. Я задавала им вопросы, сверяла цифры из разных источников, и картина вырисовывалась все более мрачная. Королевство было на грани краха. Казна практически пуста. Налоговые поступления были мизерными, так как урожаи из года в год были скудными, а система сбора — неэффективной и коррумпированной. И самое главное — казнокрадство было делом рук не только Конрада. Прослеживались явные следы воровства и среди других придворных, отвечавших за снабжение гвардии, содержание дорог, закупку тканей для двора.

К полудню у меня на столе лежали четкие выкладки. Я взяла чистый лист пергамента и принялась писать указы. Первым делом я урезала жалованье всем придворным до того минимального уровня, что был установлен при моем покойном муже, добавив лишь новую систему премий, которую планировала придумать позже. Затем я расписала новую, единую систему учета.

Я подозвала к столу Лину и Томаса. На большом листе я расчертила несколько таблиц.

— Забудьте все, что знали о ведении записей, — сказала я. — С сегодняшнего дня мы будем работать по-новому. Это защитит казну от воровства и ошибок.

Я объяснила им упрощенную систему двойной бухгалтерии.

Томас смотрел на мои каракули с глубоким скепсисом.

— Но, Ваше Величество, зачем такие сложности? Мы всегда просто записывали, что пришло и что ушло.

— Потому что это не защищало от воровства, — твердо ответила я. — Теперь каждая операция будет записываться дважды. По принципу двойной записи.

Я привела им простой пример, который когда-то помогла понять мне самой.

— Представьте, что мы покупаем мешок зерна за одну серебряную монету. Что происходит? У нас на одну монету меньше в сундуке, но на один мешок зерна больше на складе.

Каждая операция имеет два следствия. Мы будем отражать их на двух счетах одновременно. Одно мы запишем в колонку «Дебет», другое — в «Кредит».

Лина, щурясь, вглядывалась в таблицы. Вдруг ее лицо просияло.

— Понимаю! Это как весы! На одну чашу кладешь монеты, которые ушли, на другую — товар, который пришел. И чаши всегда должны быть в равновесии!

Я улыбнулась, почувствовав редкий прилив гордости.

— Именно, Лина! Отличное сравнение. В конце месяца мы сведем все обороты в одну таблицу — оборотно-сальдовую ведомость. И если общая сумма дебетов не будет равна общей сумме кредитов даже на один медяк, это значит, что где-то ошибка. Или воровство. Цифры не сойдутся, и мы сразу это увидим.

Томас медленно кивнул, его скепсис понемногу таял перед лицом железной логики.

— Это… гениально, Ваше Величество, — пробормотал он с невольным уважением в голосе.

— Это просто порядок, Томас, — поправила я его. — Порядок вместо хаоса. С этого дня мы будем знать о финансах королевства всё.

Я раздала им чистые журналы, и мы начали кропотливую работу по переводу хаотичных записей прошлого в новую, стройную систему. Это была титаническая задача, но, глядя на усердно склоненные головы Линь и Томаса, я впервые за этот долгий день почувствовала, что делаю что-то по-настоящему важное. Но сейчас, по крайней мере, у меня был чёткий план действий и двое помощников, на которых, казалось, можно было положиться. Битва за выживание в этом теле и в этом королевстве только начиналась.

Мне также предстояло прояснить важный момент – как именно почила королева Моргана и кто был в этом виноват…

Глава 5. Зеркало, казна и городские тени

Утро началось с разговора, которого я всячески пыталась избежать. Я стояла перед затянутым тканью зеркалом, собираясь с духом. Пришлось признать – без советника, пусть и демонического, мне не обойтись. Я отдернула покрывало. В темной глубине стекла тут же зашевелились тени.

— Доброе утро, моя новая хозяйка, — послышался знакомый бархатный голос, и в нем явственно звучала насмешка. — Что за честь?

Я проигнорировала его тон.

— Мне нужен маг. Новый. Аларик уйдет, и магические системы замка выйдут из строя. Где мне его найти?

Поверхность зеркала задрожала, словно от тихого смеха.

— О, какая досада! Но выход есть. Будьте сегодня к полудню у городского эшафота на главной площади. Именно там вы найдете то, что ищете. Ищите дурака среди мудрецов – или мудреца среди дураков, как говорится.

Я закатила глаза. Казнь как способ найма персонала? Звучало абсолютно безумно. Но доверять больше было некому.

— У эшафота? Ты предлагаешь мне нанять палача?

— О, на месте вы сразу поймете, что к чему.

— Хорошо, — выдохнула я. — Посмотрим.

Я натянула ткань обратно, чувствуя легкое головокружение от этой беседы.

Прежде чем позвать Фриду, я на несколько минут задержалась у большого зеркала в гардеробной, впервые внимательно разглядывая свое отражение. Высокая, стройная фигура. Длинные, огненно-рыжие волосы. Черты лица четкие, властные, с высокими скулами и прямым носом. Стиль прошлой Морганы, ее любовь к темным, богатым тканям и лаконичным фасонам, меня вполне устраивали. Одно лишь огорчало — эти вечные платья и юбки.

Направляясь в ванную, я решила осмотреть свои средства ухода. Комната была каменной, но с потолка свисал странный агрегат, напоминающий душ, а на полках теснились глиняные и стеклянные баночки. Я открыла одну за другой. Было мыло, пахнущее хвоей и травами, густой, почти прозрачный шампунь с запахом меда, какие-то кремы. На удивление, все выглядело и пахло неплохо. В памяти всплыло знание: они не простые, а магические, созданные алхимиками для ухода за кожей и волосами знати. Я попыталась вспомнить, что доступно простолюдинам, но память Морганы услужливо подсказывала лишь образы грубого щелока, золы и растительного масла. Ни о каком мыле, кроме самого примитивного, речи не шло. Пропасть между сословиями была тотальной даже в гигиене.

Позавтракав в одиночестве — сегодня я не решалась снова давить на Белоснежку, — я отправилась в казну. Фрида, провожая меня, смотрела с нескрываемым любопытством.

Казна располагалась в глубоком подвале под тронным залом. Массивная железная дверь отворилась с громким скрежетом. Воздух внутри был спертым и пыльным. Сундуки, полки, ларцы… Все это было в относительном порядке, но царила та же запущенность, что и в документах. Я принялась за инвентаризацию.

В одном из ящиков, обитом изнутри голубым бархатом, я нашла то, что искала. Украшения. Воспоминания нахлынули сами собой: это были украшения матери Белоснежки, первой королевы. Прежняя Моргана, из зависти и злобы, прибрала их к рукам после смерти мужа, не пожелав отдавать девочке. Я захлопнула шкатулку с твердым намерением вернуть их законной владелице.

Рядом с казной оказалась потайная дверь, ведущая в просторную гардеробную. Здесь висели королевские наряды: десятки платьев, мантий, пелерин. И в дальнем углу была стойка с

детскими платьицами. Крошечные, из самых дорогих тканей, расшитые жемчугом и серебряными нитями. Они были явно приготовлены для Белоснежки еще ее покойной матерью. Бывшая Моргана не просто не отдала их – она хранила их здесь, как трофеи, напоминание о своей победе над памятью предшественницы.

Я приказала позвать Белоснежку.

Она пришла робко, озираясь, как будто боялась, что ее накажут за самовольный вход в святая святых. Ее серое платьице выглядело жалким пятном на фоне королевской роскоши.

— Подойди, — мягко сказала я. — Здесь есть кое-что для тебя.

Я открыла шкатулку с украшениями. Девочка замерла, уставившись на них.

— Это… мамины? — прошептала она, и в ее голосе дрогнули слезы.

— Да. И они должны принадлежать тебе.

Затем я подвела ее к стеллажу с детскими платьями.

— И это тоже. Давай разберем, что тебе подходит, а что уже мало.

Следующий час прошел в тихой, сосредоточенной работе. Мы вынимали платья, она примеряла некоторые. Постепенно ее скованность стала уходить, уступая место робкой радости. Она не верила своему счастью, постоянно поглядывая на меня, как бы проверяя, не розыгрыш ли это.

Вдруг я заметила, как ее взгляд задержался на одном платье – темно-красном, почти бордовом, из тяжелого бархата, с простым, но элегантным кроем. В ее глазах вспыхнул неподдельный интерес, но она тут же отвела взгляд и потянулась к очередному пастельно-голубому платьицу.

— Тебе нравится то, красное? — спросила я.

Она испуганно покачала головой.

— Нет. Это не для меня.

— Почему? Оно тебе очень пойдет.

Белоснежка опустила голову, сжимая в руках складки своего серого платья.

— Добрые принцессы должны носить светлое, — тихо, словно заученный урок, проговорила она. — А темное… темное носят только злые. Я не хочу быть злой.

Меня будто обдали холодной водой.

— Кто тебе это сказал? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Няня… — еще тише прошептала она. — И еще… я хочу, чтобы меня все любили. А злых никто не любит. Если я надену темное, все подумают, что я злая, и перестанут меня любить.

Вот оно. Корень проблемы. Дурацкие установки, которые вбивала в голову девочке эта женщина. Я присела перед ней, чтобы быть с ней на одном уровне.

— Белоснежка, послушай меня внимательно, — сказала я. — Нельзя быть хорошим абсолютно для всех. Всегда найдется тот, кому ты не понравишься, даже если ты будешь носить самое белое платье на свете и улыбаться всем подряд. Одним людям нравятся яблоки, другим – груши. Одним нравятся тихие песни, другим – веселые. Так же и с цветами, и с людьми. Твое платье не делает тебя хорошей или плохой. Твои поступки – вот что важно. И если тебе нравится это красное платье, ты должна его носить. Потому что ты — принцесса. И ты имеешь право носить то, что тебе по душе.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, впитывая каждое слово. Казалось, она впервые слышала такую мысль.

— А… а если меня из-за него не полюбят? — робко спросила она.

— Тогда эти люди глупцы, и их мнение не должно тебя волновать, — твердо ответила я.

Я взяла темно-красное платье и поднесла к ее лицу.

— Посмотри. Оно оттеняет твои губы и делает кожу еще белее. Оно тебе идет. Но выбор за тобой. Если ты не хочешь его — не берем. Но если хочешь, а не берешь из-за чужого мнения — это неправильно.

Она молчала, разглядывая бархат. Потом ее пальцы осторожно погладили ткань.

— Я… я хочу его примерить, — тихо сказала она.

Я улыбнулась.

— Конечно.

Пока она переодевалась за ширмой, я приказала служанкам продолжить переписывать все данные по казне и имуществу под новый учет, а сама объявила Белоснежке, что мы едем в город.

Мы закончили разбор гардероба, и красное платье заняло почетное место среди отобранных.

Мы отправились в город в простой, без гербов, карете, запряженной парой лошадей. Я наотрез отказалась от кортежа и богатых экипажей. Из охраны — только один человек, сын Фриды, гвардеец Элвин. Высокий, плечистый парень с каменным лицом и недружелюбным взглядом. Он явно не одобрял эту затею.

Мы выехали за ворота замка, и я впервые по-настоящему вздохнула полной грудью. Воздух был свеж.

Первым делом мы направились в магазин одежды в центральном, богатом районе. Улицы здесь были мощеными, дома — каменными, с резными ставнями. Горожане, узнавая в окне кареты сначала меня, а потом прильнувшую к стеклу Белоснежку, застывали в ступоре. Шок, недоумение, страх — все это читалось на их лицах. А когда я вышла и, по старой учительской привычке, взяла девочку за руку, чтобы перевести через улицу, на нас вся эта улица и уставилась.

В магазине, пахнущем лавандой, началось самое интересное. Продавец, подобострастно кланяясь, начал показывать воздушные платьица пастельных тонов, какие, судя по всему, и должны были носить юные принцессы.

— Вот это, Ваше высочество. Шелк, самый лучший! Или вот это — батист, нежнейший!

Белоснежка смотрела на них с привычной, покорной вежливостью. Но я видела — в ее глазах не было искры.

— Стой, — сказала я. — Давай спросим у самой принцессы.

Я повернулась к ней.

— Что тебе нравится? Вот это? — я указала на розовое платье с рюшами.

Она неуверенно кивнула.

— А может, тебе нравится что-то другое? Не обязательно розовое и воздушное. Может, тебе по душе что-то более строгое? Вот, смотри.

Я подвела ее к стойке с более взрослыми, лаконичными моделями темных тонов — синего, бордового, изумрудного. Ее глаза загорелись. Она потянулась к темно-синему платью с длинными рукавами и строгим кроем.

— Можно… его примерить?

Она с некоторой опаской стала трогать разные материалы. Я настаивала, чтобы она примерила разные фасоны – не только пышные и воздушные, но и строгие, приталенные. Когда она надела платье простого кроя, темно-синего цвета, с высоким воротником, ее осанка мгновенно изменилась. Она выпрямилась, а в глазах вспыхнула уверенность.

— Оно… удобное, — с удивлением сказала она, разглядывая свое отражение.

Выяснилось, что девочке, вопреки всем внушениям, категорически не шли пастельные тона и рюши. Они растворяли ее, делали безликой. Зато строгие, даже немного готические платья темных, глубоких цветов преображали ее. Они подчеркивали белизну кожи, алый цвет

губ и черноту волос, делая ее не просто милым ребенком, а маленькой, величественной принцессой.

Мы взяли несколько таких платьев, а также удобную, качественную обувь. Элвин, молча наблюдавший за всем процессом, начал оттаивать. Его каменное лицо смягчилось, когда он увидел, как Белоснежка, выходя из примерочной в новом платье, впервые на моей памяти улыбнулась своей настоящей, счастливой улыбкой. В этот момент я действительно поняла эту мысль в сказке про «самую прекрасную». Я никогда не видела настолько красивого ребенка: алые четко очерченные губы, густые, шелковистые волосы, правильные черты лица. Она была словно создана искусственным интеллектом, а не природой.

После этого мы отправились за игрушками. Я позволила Белоснежке выбрать все, что ей приглянулось. Она с осторожностью, а потом все смелее, брала с полок деревянных зверей, тряпичных кукол, набор для рукоделия. Элвин молча тащил в карету наши покупки, и его первоначальная холодность понемногу таяла, сменяясь тихим изумлением.

Мы шли по центральному району, который выглядел богато и ярко. Горожане, узнавая нас, замирали на месте. Их лица вытягивались от изумления. Они шокировано смотрели на то, как я держу Белоснежку за руку.

Но за пределами элитного района картина резко изменилась. Улочки сузились, дома покосились, а воздух наполнился запахами нищеты и нечистот. Я видела бледных, истощенных детей, стариков в лохмотьях, женщин с пустыми глазами. Ужасающая нищета, в которую погружена была большая часть моего королевства, ударила мне в голову, как обухом. Я остановилась, чувствуя, как подкатывает тошнота.

Элвин, видя мое состояние, нахмурился.

— Южные кварталы, Ваше Величество. После неурожая прошлого года многие лишились крова и работы.

— Почему им не помогают? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло.

— Казна пуста, — коротко ответил он, но в его тоне уже не было прежней неприязни. Он видел мой искренний ужас.

Я засыпала его вопросами о жизни в городе, о налогах, о ремеслах. Он оттаивал на глазах и отвечал охотнее, подробнее. Видимо, мое взаимодействие с Белоснежкой и явная тревога за состояние королевства произвели на него впечатление.

Пока мы шли, в голове у меня наконец структурировались все обрывки воспоминаний Морганы, все отрывочные знания об этом мире. Это было магическое средневековье. Магия пронизывала все, облегчая быт знати. Но именно из-за этого уровень развития остановился. Зачем изобретать электричество, если есть магические фонари? Зачем изучать причины болезней и развивать хирургию, если зелье может вылечить от лихорадки? Алхимики создавали мощные снадобья, но понятия не имели о микробиологии или химических процессах. Общество застыло в удобной, но хрупкой зависимости от магии.

Пока мы ехали, в моей голове наконец структурировались все обрывки воспоминаний Морганы о ее болезни. Всплыли детали, на которые я раньше не обращала внимания. Сначала у нее были обычные боли в желудке после жирной пищи. Потом ей стало хуже. Пришел лекарь, присланный Аларикам. Он дал ей лекарство. Стало лучше — не просто лучше, а неестественно хорошо, словно после наркотика. Эйфория, прилив сил. А потом — резкое ухудшение. Слабость, рвота, выпадение волос…

И тут меня осенило. Картина сложилась. Сначала ее подсадили на что-то вроде опиума, чтобы завоевать доверие и снять первые подозрения. А потом начали травить. Мышьяком или чем-то подобным. А лекарь был от Аларика. И она доверяла им обоим. Значит, за магом стоял кто-то больший. Кто-то, кому была выгодна смерть королевы.

И теперь я понимала – стоит мне слишком резво начать все менять, как мне тут же устроят новое покушение. Мне придется учитывать интересы могущественных придворных

вроде Конрада, Алариков и его сообщников, и ордена магов – организации, по статусу близкой к церкви в моем мире, замкнутой и влиятельной.

Наше путешествие привело нас на главную площадь. Там, как и предсказало зеркало, собралась толпа. В центре, на деревянном эшафоте, стоял человек в пестром, поношенном костюме. Несмотря на кандалы на руках и ногах, он улыбался. Широкая, безумная улыбка растянула его губы, а глаза, ярко-голубые, смотрели на толпу с насмешливым весельем.

— Что происходит? — спросила я у Элвина.

— Казнь, мэм. Местного мага-иллюзиониста Геральдиса.

Воспоминания о нем тут же всплыли в памяти. Геральдис. Придворный иллюзионист при старом дворе. Его «магия» считалась безобидными фокусами. Он был арестован за «оскорбление величества» — во время выступления он «случайно» создал иллюзию, публично высмеявшую советника Конрада и саму Моргану. Его объявили шарлатаном и смутьяном. Казнь была назначена прошлой Морганой.

Решение созрело мгновенно. Он был именно тем, кто мне нужен. Опальный, обиженный, талантливый и не связанный с орденом магов.

Я резко развернулась к Элвину.

— Иди, — резко сказала я. — Немедленно останови казнь. Скажи, что по велению короны этот маг должен послужить королевству. Вместо виселицы — работа.

Элвин кивнул, без лишних слов пробиваясь через толпу. Его костюм королевского гвардейца говорил сам за себя. Он пробился к эшафоту, что-то сказал распорядителю. Тот сначала опешил, потом закивал, кланяясь в нашу сторону. Палач снял петлю с шеи мага.

Когда Элвин подвел мага к нам, тот склонился в преувеличенно театральном поклоне.

— Ваше Величество! — провозгласил он, и его голос звенел насмешливым восторгом. — Какая честь для бедного дурака! Вы спасаете меня от знакомства с острой дамой, — он кивнул в сторону плахи, — а я чем могу отблагодарить? Песенкой? Шуткой?

— Садись в карету, — коротко приказала я.

Так мы и двинулись в обратный путь. Геральдис был взъерошен, плохо пах и был закован в кандалы, ключ от которых был у Элвина. Несмотря на это всё, он насвистывал какую-то веселую мелодию и кивал в окно встречным горожанам, будто был на параде.

Белоснежка испуганно жалась ко мне, а я не могла сдержать странной улыбки от осознания ситуации и нашей компании. Воняющий мужчина в кандалах, перепуганная девочка и королева, похитившая осужденного с эшафота.

Хорошо, что я тут начальство, — подумала я с веселым ужасом. — Иначе эта ситуация серьезно скомпрометировала бы любую репутацию.

Глава 6. Тени при дворе

Карета подкатила к замковым воротам как раз в тот момент, когда у главного входа стояла целая процессия. Сердце у меня екнуло. Аларик.

Он стоял посреди двора в своем темном, отороченном серебром мантии мага, его поза была исполнена театрального достоинства. Шестеро слуг выносили из боковой двери сундуки — массивные, окованные железом ларцы, явно тяжелые от книг и реагентов. Он собирался уезжать, и делал это с максимальным эффектом, чтобы все видели: это не бегство, а величественный уход оскорбленного мастера.

Я вышла из кареты первой, почувствовав на себе его взгляд — холодный, оценивающий. Затем я обернулась и протянула руку Белоснежке. Девочка взяла ее, ее маленькие пальчики дрожали. Она вышла, прижавшись ко мне, ее глаза расширились при виде Аларика и всей этой суеты.

Но настоящее представление началось, когда из кареты, звякая кандалами, вылез Геральдис. Элвин помогал ему, держа под локоть, но маг-иллюзионист двигался так, будто шел на праздник. Его рваный, грязный камзол, испачканное сажей и чем-то еще лицо и эта безумная, широкая улыбка создавали разительный контраст с торжественностью момента, которую пытался создать Аларик.

На лице мага-придворного, когда он увидел Геральдиса, промелькнуло столько эмоций, что я едва успела их уловить: сначала недоумение, затем мгновенное узнавание, а следом — всепоглощающая, бешеная ярость, смешанная с жгучим унижением. Он побледнел, его смуглое лицо стало пепельным, а зеленые глаза вспыхнули, как ядовитые изумруды.

Он сделал шаг вперед, его мантия взметнулась.

— Ты… — его голос, обычно бархатный и властный, сорвался на скрежет. — Ты не могла опуститься так низко, Моргана. Я думал, ты сошла с ума, когда отвергла меня. Но это… это уже за гранью даже безумия.

Я почувствовала, как все взгляды на площади устремились на меня. Белоснежка еще сильнее прижалась к моей юбке. Я выпрямила спину, собирая в себе все остатки холодного достоинства, что осталось от старой Морганы.

— Корона, — произнесла я четко и громко, — милует и наказывает по своему усмотрению, магистр Аларик. Таланты этого человека могут послужить королевству. В твоих услугах мы более не нуждаемся. Доброго пути.

Аларик фыркнул, но его взгляд не отрывался от Геральдиса. Тот, словно только сейчас заметив его, сделал преувеличенно изумленное лицо и склонился в таком поклоне, что кандалы на его запястьях громко звякнули.

— Магистр Аларик! Какая честь встретить вас здесь, на прощании! Не тревожьтесь о своих творениях. Я, конечно, не обладаю и десятой долей вашего могущества, но кое-какие бытовые чары… попробую поддержать. Чтобы королеве было тепло и светло, пока она размышляет о своем выборе.

Это была последняя капля. Лицо Аларика исказила судорога чистой ненависти. Он поднял руку, и воздух вокруг него буквально затрещал от сконцентрированной магии. От мужчины повеяло запахом озона. Слуги, несшие его сундуки, в страхе отпятились.

— Ты совершила роковую ошибку, Моргана, — его голос прозвучал не только в ушах, но и прямо в моей голове, леденящим, интимным шепотом, от которого по спине побежали мурашки. — Этот замок станет твоей гробницей. Орден магов узнает, как королева Олденира предпочла им бродячего шута. Ты будешь одна. Совершенно одна.

Он резко развернулся, его плащ взметнулся, как крыло хищной птицы. Не оглядываясь, не отдавая больше никаких приказов, он направился к ожидавшей его у ворот закрытой карете. Его слуги, перепуганные, бросились догружать сундуки.

И в тот самый миг, когда дверца его экипажа захлопнулась, в замке что-то изменилось. Я физически почувствовала это — будто гигантский, невидимый механизм, тихо работавший где-то в основании стен, вдруг замер. Теплый поток воздуха, всегда исходивший от каменных плит пола в главном дворе даже зимой, иссяк. Стало резко, ощутимо холоднее. Где-то в глубине здания с грохотом, разносящимся эхом по коридорам, захлопнулась тяжелая дверь.

Аларик не просто ушел. Он демонстративно сорвал с замка последние покровы своей магии, оставив его беззащитным и холодным.

Я заставила себя выдохнуть и обернулась к Элвину.

— Отведите господина Геральдиса в северную башню. Дайте ему помыться, найти чистую одежду и накормить. Он будет работать там. Поставьте у двери охрану. Для его же безопасности.

Элвин, на лице которого было написано чистое любопытство, кивнул и повел иллюзиониста прочь. Геральдис на прощание бросил мне очередной шутовской поклон, но в его голубых глазах, мелькнувших в мою сторону, я увидела не безумие, а острую, живую оценку ситуации.

— Пойдем, — тихо сказала я Белоснежке, чувствуя, как дрожь наконец отпускает мои колени. — Здесь холодно.

На следующее утро проблемы начались всерьез. Фрида, принесшая завтрак, была бледна.

— Ваше Величество, в восточном крыле просто ледяной сквозняк. Камины едва горят. А на кухне Марта жалуется — вода из крана еле течет, и чуть теплая. Говорит, так никогда не было.

Я знала, что так и будет. Но знать и чувствовать — разные вещи. Я приказала позвать Геральдиса в мой кабинет.

Он пришел, помытый, переодетый в простую, но чистую одежду из замкового гардероба — темные штаны и серую рубаху. Без кандалов и грязи он выглядел иначе, не таким безумным, но не менее странным. Его движения были плавными, почти кошачьими, а глаза продолжали весело смеяться, хотя рот сохранял нейтральное выражение.

— Ну что, ваше величество, — начал он, не дожидаясь вопросов. — Ваш бывший паук основательно загадил свое гнездо перед уходом. Не то чтобы он разрушил системы — это было бы слишком грубо и заметно. Он просто снял с них поддержку. Отозвал свою личную магию, которая как раз и заставляла все эти изящные механизмы тихо работать годами. Теперь они медленно умирают. Как рыба, выброшенная на берег.

— Можно ли что-то сделать? — спросила я, стараясь скрыть тревогу.

— О, можно! — он оживился. — Мне нужен доступ ко всем узловым точкам — подвалам, чердакам, стенам у главных каминных труб. И кое-какие материалы. Кристаллы-накопители, хотя бы простые кварцевые. Серебряная пыль, чистый мел. И время.

Я кивнула.

— У вас будет все, что нужно. Начните с самого важного — отопления в детской принцессы и на главной кухне. Потом — водоснабжение, мои покои. Докладывайте мне лично каждый вечер.

После его ухода я погрузилась в бумаги, но мысли путались. Холод в коридорах был не просто неудобством. Это был сигнал для всех: королева потеряла контроль. Мне нужны были союзники, и нужны срочно. Не просто верные слуги вроде Фриды, а люди с влиянием.

Я приказала Фриде пригласить на приватную беседу лорда Бертрана и леди Илву. Я помнила их по обрывкам памяти Морганы: Бертран — бывший военный, грубоватый, но честный, отвечавший за снабжение армии и крепостные стены. Илва — аристократка до мозга костей,

умная, язвительная, курировавшая весь придворный церемониал и приемы. Оба недолюбливали Конрада, считая его выскочкой, но боялись старой Морганы, которая его поддерживала.

Они вошли вместе — крупный, седовласый Бертран в простом, но качественном камзоле и изящная Илва в платье темно-зеленого бархата. Их поклоны были безупречны, но в глазах читалась настороженность. Я указала на кресла у камина, где, слава Геральдису, уже потрескивал огонь.

— Благодарю, что пришли, — начала я, отбрасывая церемонии. — Я ценю вашу верную службу моему покойному супругу. И мне требуется ваш совет, как людей, чья преданность короне никогда не ставилась под сомнение.

Они переглянулись.

— Королевство переживает трудные времена, — продолжала я. — И я обнаружила нечто… тревожное. В процессе наведения порядка в документах.

Я медленно взяла со стола тот самый раздутый отчет Конрада о его «титанических трудах».

— Советник Конрад представил мне доклад о своих обязанностях. И некоторые пункты заставили меня усомниться в моей собственной памяти.

Я открыла пергамент, показала его придворным, чтобы они убедились, что он написан почерком Конрада, и нашла нужные строки.

— Лорд Бертран. Здесь сказано, что советник Конрад лично утверждает сметы на ремонт городских стен и закупку строевого леса для гарнизонов. Разве эти вопросы не находятся в исключительной компетенции военного совета? Под вашим началом?

Лицо Бертрана начало медленно краснеть, начиная от ворота рубахи. Его толстые пальцы сжали подлокотники кресла.

— Это… — его голос прозвучал хрипло, — это всегда было под моим контролем, Ваше Величество. С времен вашего супруга. Я лично докладывал королю…

— Я так и думала, — мягко перебила я его, видя, как закипает его ярость. Затем я повернулась к Илве. — Леди Илва. А здесь я читаю, что советник Конрад взял на себя организацию королевских охот и распределение помещений для знатных гостей. Не ваша ли это область?

Илва побледнела, а ее губы сжались в тонкую, жесткую ниточку. Ее глаза, холодные и проницательные, впились в пергамент.

— Моя, Ваше Величество. Безусловно. Однако Конрад был тем, кто должен был передавать конечные распоряжения в казну. Теперь я понимаю, по какой причине визит герцога фон Адельсбурга в прошлом году обернулся скандалом из-за «внезапно обнаруженной» нехватки достойных апартаментов. И почему королевская охота в день паладина Брайана была отменена из-за «непредвиденных расходов».

Она произнесла это ровным, бесстрастным тоном, но каждая фраза была отточенным кинжалом.

Я вздохнула, делая вид, что разочарована и озабочена.

— Я так и боялась. И это еще не самое неприятное. Сравнивая отчеты Конрада о расходах с реальными накладными и данными из деревень, мои помощники обнаружили… серьезные несоответствия. Суммы, выделенные по статьям, курируемым вами, в его отчетах значительно завышены. Создается впечатление, — я сделала паузу для веса, — что он не только систематически обкрадывал казну, но и сознательно пытался выставить работу ваших ведомств расточительной и неэффективной. Возможно, чтобы со временем сосредоточить все рычаги управления финансами и распределения в своих руках. И, как видно из его отчета, он уже мысленно эти полномочия себе присвоил.

В комнате повисло гробовое молчание, нарушаемое только треском поленьев. Лицо лорда Бертрана стало пурпурным.

— Этот… этот жалкий писец! — вырвалось у него наконец. Он вскочил, не в силах усидеть. — Он смел влезать в армейские поставки?! Лес для укреплений?! Да я его…

— Лорд Бертран, — тихо, но властно остановила его Илва. Ее взгляд был ледяным. — Криком делу не поможешь. Ваше Величество, — она повернулась ко мне, — вы говорите, у вас есть доказательства этих несоответствий?

— Есть начальные выкладки, — честно ответила я. — Но для официального обвинения нужна тщательная проверка. И именно поэтому я прошу вас обоих пока сохранить это между нами. Врага нужно брать с полным комплектом улик, чтобы он не вывернулся. Я ценю вашу лояльность именно короне, а не отдельным… придворным. И в новом порядке, который я намерена выстроить здесь, ваши опыт и знания будут нужны как никогда. Возможно, — я позволила себе намекнуть, — с большим весом и полномочиями, чем прежде.

Я видела, как этот намек упал на благодатную почву. Алчность и жажда власти были универсальным языком. Ярость от того, что их обкрадывали и обманывали, смешалась с перспективой будущих привилегий.

— Я понимаю, — кивнула Илва, ее ум уже явно работал над стратегией. — Нужно аккуратно собрать все ниточки. У меня есть кое-какие записи о странных распоряжениях Конрада, касающихся придворных фондов.

— А у меня — счета от поставщиков, которые всегда шли через моего помощника, а потом вдруг стали требовать одобрения Конрада, — проскрежетал Бертран, садясь обратно. — Мы предоставим вам все, что найдем.

Они ушли, объединенные новой целью — уничтожить общего врага. Теперь у Конрада были могущественные недоброжелатели внутри самого совета, которые сами начнут рыть под него яму.

Вечером того же дня Конрад ворвался в мой кабинет. Его лицо было искажено злобой, усугубленной, как я догадывалась, уже дошедшими до него слухами о том, что лорд Бертран и леди Илва были у меня на длительной приватной аудиенции.

— Ваше Величество! — начал он, едва склонив голову. — Я только что узнал чудовищную вещь! В замке, под вашей защитой, находится тот самый смутьян Геральдис! Преступник, приговоренный вами же к смерти! Это… это насмешка над правосудием!

Я медленно отложила перо, с которым работала над новой налоговой ведомостью.

— Я помиловала его, советник. Его навыки могут быть полезны в нынешней ситуации.

— Полезны?! — он фыркнул, его самоуверенность, поколебленная нашей прошлой встречей, вернулась в полной мере, подпитываясь гневом. — Навыки шута и обманщика? Или просто новый фаворит так быстро занял место старого? — он язвительно подчеркнул последнее слово. — Весь замок уже судачит, как вы вчера тайком привезли его в своей карете! Вы меняете магистра Аларика, человека Ордена, на бродячего фокусника? Вы компрометируете корону!

Он перешел грань. Я встала, и мой рост, унаследованный от Морганы, позволил мне смотреть на него сверху вниз.

— Вы забываетесь, советник, — мой голос прозвучал тихо, но с той металлической ноткой, которая заставляла сжиматься желудок. — Мои решения и моя личная жизнь — не предмет вашего обсуждения. Ваша забота — это вот это.

Я швырнула на стол между нами его же толстый отчет.

— Где конкретные цифры? Где сметы на ремонт дорог из прошлогоднего бюджета? Где отчеты поставщиков? Я вижу только воду и самовосхваление. Вы либо предоставите все подтверждающие документы по каждому пункту этого… опуса к завтрашнему утру, либо я начну подозревать, что ваша должность существует лишь для сочинения красивых отчётов. А это — роскошь, которую разоренная казна позволить себе не может. Выйдите.

Он стоял, тяжело дыша, его пальцы белели, вцепившись в край стола. В его глазах мелькнул настоящий, животный страх, а затем — решимость загнанного зверя. Он молча, не кланяясь, развернулся и вышел.

Я знала, что это была не победа, а лишь первая перестрелка в начавшейся войне. И война эта шла сразу на нескольких фронтах. Пока я сражалась с Конрадом, няня Агата вела свою тихую атаку. Фрида доложила, что та все чаще пугает Белоснежку страшными историями о «ведуньях, принимающих чужой облик», и шепчет, что «внезапная доброта часто скрывает самый горький яд».

И хуже всего были сплетни. Лживая, но удобная версия о «новом фаворите» расползалась по замку, как чума. Она объясняла все: и мое помилование, и конфликт с Алариком, и даже мои попытки наладить отношения с Белоснежкой — мол, хочу произвести впечатление. Я видела этот слух в глазах служанок, в настороженных взглядах гвардейцев. Даже Лина и Томас работали теперь в гнетущем молчании.

Но самой тревожной новостью стал вечерний доклад Геральдиса. Он вошел, пахнущий дымом и чем-то горьким, с черными от сажи руками.

— Северное крыло и кухню более-менее залатал, — отчеканил он без обычных шуток. — На неделю-две тепла хватит. Но, ваше величество, пока копался в подвалах у магических узлов нашел кое-что интересное. Вернее, почувствовал. Остатки старого, очень изощренного воздействия. Отравления. Медленного, глубокого, вшитого в само место, где вы проводили больше всего времени – вашей спальне и будуаре. Алхимия высшего уровня, смешанная с проклятием. Кто-то долго и старательно травил вас.

Ледяной ком сжался у меня под сердцем.

— Можно определить, кто?

Он покачал головой.

— Следы стерты. Мастер. Но факт остается: тот, кто это сделал, скорее всего, все еще здесь, поскольку такое заклинание требует личного присутствия поблизости от начала действия до полного окончания.

Я закрыла глаза. Картина выстраивалась в чудовищную мозаику. Конрад с его воровством. Аларик с его обидой и связями с Орденом. Няня Агата, отравляющая сознание Белоснежки. И невидимый враг, который уже однажды убил Моргану и теперь, наверняка, готовил новый удар. И все это на фоне разваливающегося замка и пустой казны.

Одной бухгалтерией и добрыми намерениями здесь не выжить. Пассивное ожидание было равно смерти.

Я открыла глаза. Решение созрело, твердое и ясное.

— Геральдис. Завтра утром вы представите публичный доклад о состоянии магических систем замка. В тронном зале. Я приглашу всех, кого это касается: советников, начальников служб, капитана гвардии. Вы покажете, что именно сломалось, и что вы уже сделали для починки. Без шутовства. По-деловому.

Он уловил мысль и усмехнулся уголком рта.

— Чтобы превратить шута и любовника в полезного специалиста на глазах у всех? Неплохо.

Геральдис поклонился и удалился.

«А потом, — продолжила я мысленно, обдумывая шаги, — мне нужно будет начать готовить официальное разбирательство по отчету советника Конрада. С цифрами, документами и свидетелями».

Это был риск. Вывести интриги на свет, сделать их публичными. Но другого выхода не было.

Глава 7. Доклад

На следующее утро тронный зал был полон, как никогда. Морозный воздух проникал даже сюда, сквозь высокие стрельчатые окна, смешиваясь с напряженной тишиной. Камин у дальней стены пылал, но его жар не достигал середины зала, где сидели собравшиеся советники, начальники служб и придворные. Я сидела на троне, стараясь держать спину прямо, чувствуя тяжесть королевской диадемы на волосах. Мои пальцы лежали на резных деревянных подлокотниках, не выдавая внутреннего напряжения.

Я видела их всех. Лорд Бертран, массивный и угрюмый, сидел ближе всех, его взгляд, привыкший оценивать укрепления, сейчас оценивал обстановку в зале. Леди Камилла в изящном платье из темно-зеленого бархата, ее лицо было бесстрастной маской делового интереса. Рядом с ней — Прелат Ансельм в белых с серебром одеждах Храма Луны, его худые пальцы перебирали четки. В дальнем ряду, почти в тени колонны, сидел барон Годфрей «Землемер», его взгляд был рассеянным, будто он подсчитывал в уме урожай с дальних полей. Леди Илва заняла место с безупречной точностью — так, чтобы все ее видели, и она видела всех. Лорд Эдгар, Верховный судья, восседал с видом человека, который давно уже все решил за других. Конрад сидел немного в отдалении от остальных, напряженно поджимая губы. Волновался он зря, сегодняшний доклад его темные делишки не затронет.

Освальд Локвуд – герольдмейстер и канцлер иностранных дел жевал какую-то сладость с безмятежным видом. Начальник королевской гвардии, Капитан Маркус Ройд, поглядывал на него с раздражением. Лекарь Сигизмунд, которого я оправданно подозревала в участии в моем отравлении, о чем-то шептался с библиотекарем Орвином.

Геральдис стоял в центре, на возвышении. Он был одет в простую, но чистую темную одежду, его обычно насмешливое лицо было непривычно серьезно. В руках он держал длинный, тонкий жезл из полированного черного дерева – концентратор для магии, как он объяснил мне ранее. Воздух вокруг него слегка дрожал.

— Ваше Величество, лорды и леди, — начал он без преамбул, и его голос, чистый и звонкий, заполнил зал. — По приказу короны мною проведена диагностика магических систем, поддерживающих жизнедеятельность замка Олденир и ключевой инфраструктуры королевства. Результаты тревожны. Я покажу вам не просто поломки. Я покажу проблемы, которые затрагивают безопасность, экономику и само будущее королевства.

Он взмахнул жезлом. Над его головой вспыхнула и замерзла в воздухе иллюзия. Сначала он повернулся к лорду Бертрану. В воздухе родилась трехмерная, прозрачная карта замка и его ближайших границ. На ней тонкими серебристыми линиями светилась сложная паутина.

— Защитные чары периметра, — пояснил Геральдис старому воину. — Защитные чары на стенах и границах исчезли, потому что были завязаны на личную магическую подпись покинувшего нас магистра Аларика. Так быть не должно. Подобные чары должны запитываться от кристаллов маны. Эти самые кристаллы были закуплены, судя по бумагам, но найти мы их не смогли. Я не смогу поддерживать эти чары, поэтому до покупки кристаллов маны эти стены будут просто стенами.

Иллюзия карты сменилась крупным планом участка крепостной стены. На ней проступили призрачные синие нити – символ чар. И эти нити медленно, неумолимо истончались и рвались, как гниющие паутинки.

— Чары скоро иссякнут, — сказал Геральдис, и в его словах не было и тени былого шутовства. — Они не будут отводить взгляды чужих шпионов. Не будут запутывать следы, ведущие к потайным входам. Не подадут сигнала гарнизону при приближении магической угрозы или крупного скопления существ с темной аурой.

Бертран не шелохнулся, только его густые седые брови медленно поползли вниз, смыкаясь над переносицей. Его взгляд, острый и профессиональный, скользил по призрачной карте, отмечая ключевые точки — ворота, башни, посты.

Затем Геральдис обратился к леди Камилле. Карта замка сменилась схемой главных дорог королевства. На них, в узловых точках, светились маленькие, хрустальные на вид башенки.

— Магические ретрансляторы связи, — сказал он. — Обеспечивали передачу вестей между столицей и крупными торговыми городами за часы, а не за дни, — он щелкнул пальцами, и свет в башенках погас, одна за другой. — Они отключены. Вести из торговых городов – о ценах на зерно, о прибытии кораблей, о беспорядках в портах – теперь будут идти неделями с гонцами. Цены на столичном рынке будут колебаться, как листок на ветру, без возможности предугадать или сгладить дефицит. Контроль за логистикой потерян. Опять же, чары должны были питаться от кристаллов, которые – что? – канули в небытие.

Лицо Камиллы, обычно такое гладкое и невозмутимое, стало задумчивым. Ее пальцы, лежавшие на коленях, слегка пошевелились, будто она уже перебирала мысленно варианты, как адаптировать свою работу к этому новому, неудобному миру. Ее лояльность всегда зависела от выгоды и стабильности, которые только что дали трещину.

— Барон Годфрей, — Геральдис повернулся к «Землемеру». Иллюзия сменилась на вид сверху: болотистые низины на севере и террасированные склоны на юге. По ним были проложены ярко-голубые, светящиеся каналы. — Теперь мы рассмотрим проблему, которая далеко не нова. Системы осушения болот на севере, увеличившие пахотные земли на треть за последние десять лет, остановлены. Ирригационные каналы на южных склонах, — он показал на другую часть карты, — уже вторую весну не наполняются магически очищенной водой. Полив зависит только от дождей. Проблема та же – моего магического резерва не хватит на поддержание подобных чар.

Барон Годфрей, сухопарый мужчина с лицом, похожим на высушенную глину, лишь хмыкнул и кивнул. Его узкие глаза скользнули по мне. Он знал об этом и раньше, вероятно, подавал какие-то записки в пустоту. Но теперь проблема была озвучена публично, перед всем советом. Его молчание было красноречивее любых слов.

Геральдис склонил голову в знак уважения к его знаниям и перевел взгляд на Прелата Ансельма. Возник образ маленькой, изящной часовни — личной часовни королевы. В ней, перед алтарем с серебряным полумесяцем, должен был гореть ровный, холодный огонь — Вечный огонь Луны.

— В часовне королевы, — произнес Геральдис тише. — Магия, питавшая огонь, угасла.

Ансельм не изменился в лице, лишь его пальцы, сложенные в молитвенном жесте, слегка сжались. Это было оскорбление не столько мне, сколько церкви, чей символ угас в королевской резиденции.

И тогда Геральдис сделал паузу. Все предыдущие иллюзии растворились. В воздухе осталась лишь одна — образ моих личных покоев. Комната с большой кроватью, туалетным столиком, креслами у камина. Но сквозь эту знакомую обстановку проступало что-то другое. Сеть тончайших, ядовито-зеленых нитей, вплетенных в самые стены, в пол, в саму атмосферу комнаты. Они сходились в плотный, пульсирующий темным светом узел прямо там, где стояла кровать.

— Это, — голос Геральдиса упал до шепота. — Остатки старого, очень изощренного воздействия. Отравления, медленного и глубокого, вшитого в само место, где королева проводила больше всего времени. Алхимия высшего уровня, смешанная с проклятием. Кто-то долго и старательно травил королеву. Проклятие высасывало жизненную силу. Истощало тело, волю, разум.

В зале не дышали. Все глаза были прикованы к той мерзкой зеленой структуре, а потом, как по команде, переместились на меня. Я видела в этих взглядах шок, ужас, расчет, быстрое перебирание вариантов в головах. Кто? Зачем?

Я дала этому вопросу повиснуть в воздухе еще на три удара сердца. Потом медленно поднялась с трона. Звук моих шагов по каменным ступеням гулко отдавался под сводами. Я встала рядом с Геральдисом, который погасил иллюзию жестом. Холодный воздух зала обжег лицо.

— Да, — сказала я, и мой голос прозвучал четко, холодно, без тени привычной для старой Морганы истеричности. — Я изменилась. Вы все это видите. И вы спрашиваете себя – почему? Почему королева заинтересовалась проблемами королевства? Почему этот маг, — я кивнула на Геральдиса, — стоит здесь, а магистр Аларик покинул нас?

Я сделала паузу, давая каждому впитать вопросы.

— Потому что я умерла, — произнесла я ровно. В зале кто-то резко вдохнул. — Та Моргана, которую вы знали – та, что доверяла льстивым советам – она умерла. Умерла от того самого проклятия, что вы только что видели. Она ушла в той лихорадке, что все вы помните, когда лекаря шептались у моей двери.

Я видела, как Ансельм замер, его глаза сузились. Он ловил каждое слово, ища в них выгоду или угрозу.

— Но королевство осталось сиротой, — продолжала я. — И в тот миг, когда тьма уже сомкнулась надо мной, я узрела Серебряный Свет.

Я произнесла эти слова медленно, вкладывая в них всю возможную торжественность. В зале замерли даже те, кто до этого перешёптывался. Слова «Серебряный Свет» были не просто красивой метафорой — это был прямой термин из литургии Храма Луны, символ прямого откровения Богини.

— Три лика явились мне в том Свете. Лик Убывающей Луны — Старухи-Мудреца, что показала мне все нити моего ложного пути, всю гордыню и страх, что вели меня к пропасти. Лик Полной Луны — Воительницы, что вручила мне меч ясности и волю к правосудию. И лик Новолуния — Матери, что даровала шанс. Шанс начать заново. Не как наказание, но как исполнение воли Луны, чьей земной Наместницей, Светоносцем, призвана быть каждая коронованная особа Олденира.

Я видела, как Ансельм слегка наклонил голову. В его взгляде промелькнуло нечто большее, чем политический интерес. Это была оценка с точки зрения вероучения. Моя история идеально вписывалась в догмат о цикличности и перерождении. Она была не вызовом церкви, а подтверждением её главной истины. Более того, я не просто «очнулась» — мне было «дано условие» свыше. Это возвышало мою миссию до уровня сакрального долга.

Храм Луны — древнейший и главный религиозный институт Олденира, основанный более пяти веков назад первым королём династии Серебряного Венца, Альдрихом I. Согласно хроникам, Альдрих получил видение: серебряный полумесяц, парящий над болотистой долиной, указал ему место для будущей столицы. На этом месте был заложен первый камень храма, а затем и замка.

Основная догма — всё в мире циклично, как фазы луны. Нет окончательной смерти, есть лишь переход и перерождение. Это утешает народ и легитимизирует династию — короли приходят и уходят, но корона (как луна) остаётся

Короли и королевы Олденира считаются «Светоносцами» — земными наместниками Лунной Богини. Их коронация — это обряд «Серебряного Брака», когда монарх символически сочетается с Волей Луны. Королевская регалия — Диадема Полумесяца — хранится в Храме и возлагается на голову правителя верховным жрецом/жрицей только во время этого обряда.

Моргана, будучи чужеземкой и воспитанной в более светской традиции, относилась к храму с прохладным пренебрежением. Она редко посещала службы, сократила (тайно, через

Конрада) некоторые денежные потоки в храм, предпочитая тратить на алхимиков и магов. Это создало глубокую трещину между троном и алтарём.

Теперь моя легенда была не просто личным опытом или удобной ложью. Она становилась политико-религиозным манифестом. Я не просто выжила. Я прошла через мистическое преображение, санкционированное самой сутью государственной религии. Любые попытки врагов объявить меня «одержимой» или «самозванкой» теперь можно было парировать куда более весомым обвинением в святотатстве и отрицании основополагающих догм Храма. Они оспаривали бы не моё право, а волю Богини, что делало их еретиками в глазах народа и самой церкви.

— Мне был дан шанс вернуться с порога вечной ночи, но с одним условием: очистить дом от скверны, что его отравляет. Я вернулась не прежней. Я вернулась с новыми знаниями и новой силой.

Я сделала паузу, давая словам впитаться, а затем продолжила, уже более спокойным, деловым тоном, который контрастировал с только что прозвучавшей угрозой.

— Теперь о том, как мы будем действовать. Наш первый приоритет — стабилизация. Магистр Аларик покинул свой пост, потому что не смог принять новые приоритеты короны. Его личные амбиции вступили в противоречие с интересами государства. Я не могла допустить, чтобы человек, от чьей лояльности зависят защита и благополучие замка, ставил свои обиды выше долга. Его уход — это следствие его выбора, а не моего каприза.

Я обвела взглядом зал, убеждаясь, что все слушают.

— Для устранения последствий этого выбора я привлекла специалиста. Геральдис, — я кивнула в его сторону, — оказался единственный свободным магом, которого я могла найти за короткое время. К тому же, он обладает уникальным даром диагностики магических систем. Он выполняет сейчас срочную задачу: выявляет повреждения и координирует первоочередные работы по их устранению. Все его решения и отчеты будут проходить через меня и через специальный наблюдательный совет, в который войдут те, чьи сферы затронуты.

Я видела, как по залу пробежал ропот. Мои слова рушили удобную сплетню о «новом фаворите», заменяя её скучной бюрократической реальностью: эксперт, отчеты, наблюдательный совет. Никакой романтики.

— Второй приоритет, — продолжила я. — Финансы. Хаос в казне и учёте прекращается сегодня. Мною утверждена и скоро будет внедрена новая, прозрачная система отчётности. Все распоряжения финансами будут проходить строгую проверку. В ближайшие дни каждый из вас, отвечающий за свой участок, получит детальные запросы и формы для предоставления данных. Наша цель — навести порядок, который станет щитом от казнокрадства и основой для планирования.

— И третье. Земля и люди. Мы не можем быть сильным королевством с нищими крестьянами и истощёнными полями. Знания, полученные мной после смерти, содержат новые методы землепользования. Барон Годфрей, я бы хотела пригласить вас на пятичасовой чай, чтобы обсудить этот вопрос. Заседание совета окончено. Лорд Бертран, леди Камилла, леди Илва – прошу вас пройти со мной в малый зал, обсудим вопросы, касающиеся ваших участков ответственности.

Я не стала ждать реакций. Развернулась и пошла к выходу в малый советный зал, зная, что за мной последуют трое названных мною людей. Моя речь висела в воздухе – угроза, объяснение и легитимизация всего, что я буду делать дальше. Теперь любую мою странность можно было списать на мистический опыт.

Глава 8. Налаживание связей ч1

Малый советный зал был куда уютнее тронного. Окна здесь были меньше, а стены затянуты темными гобеленами, поглощавшими звук. Трое моих гостей вошли следом за мной. Я видела, как они переглянулись — мимолетный, молчаливый разговор между старыми придворными.

Я не села во главе стола. Вместо этого подошла к камину, давая понять, что разговор будет неформальным, но деловым. Они встали полукругом, ожидая.

— Благодарю, что остались. Я буду говорить прямо, потому что время учтивостей прошло. Вы только что видели масштаб проблем.

Я посмотрела на лорда Бертрана ди Маркеса. Его массивная фигура, грузная от былой воинской мощи, казалась еще больше в тесном помещении. Это был ветеран, человек, чей мир состоял из крепостных стен, исправных дорог и дисциплинированных гарнизонов. Он ценил порядок и силу, и отсутствие того и другого в докладе Геральдиса явно задело его за живое.

— Лорд Бертран. Защита границ и коммуникаций — ваш удел, — обратилась я к нему первым делом. — Чары периметра пали. Мне нужен ваш профессиональный военный взгляд. Я не могу обещать невозможного — восстановить магическую защиту враз. Но мы можем и должны усилить то, что осталось. Людьми, постами, сигнализацией. Я нуждаюсь в вашем списке приоритетов: какие наблюдательные точки, какие участки стен, какие дорожные посты восстановить и укрепить в первую очередь. Где наши самые уязвимые места?

Он хмыкнул, задумавшись. Его мозг, отточенный годами службы, уже перебирал карты и планы.

— Будет сделано, Ваше Величество.

— Прекрасно, — кивнула я и перевела взгляд на Камиллу.

Канцлер по делам городов и гильдий стояла неподвижно, как изваяние. Её лицо было бесстрастной маской делового интереса, лишь пальцы слегка перебирали складки ткани — единственный признак внутренней работы ума. Прагматик до мозга костей, её лояльность всегда следовала за экономической выгодой и эффективностью.

— Леди Камилла, ваша задача — сопоставить список лорда Бертрана с картой ключевых торговых путей. Защита и золото — две стороны одной монеты.

На лице Камиллы, обычно бесстрастном, мелькнуло что-то вроде уважительного интереса. Она привыкла, что военные требуют денег, а казначеи — их экономят. Идея синхронизировать усилия с самого начала была для неё новой и, как я видела, логичной.

— Я предоставлю подробный отчёт с расчётами потенциальных потерь и выгод от защиты каждого направления к завтрашнему утру.

— Отлично. Координируйтесь. Я жду первые наброски завтра к полудню, — я сделала паузу, давая указаниям улечься в сознании.

Они обменялись кивками — уже не настороженными, а деловыми. Первый мост был наведён.

— Теперь о другом. То, что мы увидели сегодня, — лишь вершина айсберга. Кто-то годами ослаблял королевство. И нам нужны факты. Леди Илва, — я повернулась к главной распорядительнице двора.

Леди Илва де Монфор была воплощением «мягкой силы». Её изящная, почти хрупкая фигура в идеально сидящем платье, её безупречные манеры и холодная, проницательная улыбка скрывали ум стратега, для которого придворный этикет был полем боя, а сплетня — оружием. Она знала все тайны, все связи, все слабости обитателей замка.

— Вы знаете всё, что происходит в этих стенах. И за их пределами, в усадьбах знати. Вам что-нибудь известно о злоупотреблениях? О жалобах, которые могли быть проигнорированы?

Леди Илва, до сих пор молчавшая, сделала лёгкий шаг вперёд.

Она положила на стол рядом со мной несколько листков тонкого, дорогого пергамента, исписанных изящным, женским почерком. Это были не официальные прошения, а скорее, частные записки.

— Копии, — пояснила Илва. — Оригиналы, по понятным причинам, авторы предпочли не афишировать. Прямых доказательств воровства из казны у меня нет. Но есть… косвенные улики. И кое-что о методах нашего дорогого советника Конрада. Прошения от мелких дворян, чьи земли граничили с угодьями самого Конрада или его ближайших родственников. Все они жаловались на одно: на незаконный захват земель, на споры о границах, на непосильные «сборы за защиту», которые вдруг вводились, если они отказывались продавать свои участки.

Я взяла листки. Конрад Лехтенберг. Главный советник по финансам, человек, в чьих руках была казна, налоги, тысячи чиновников. Я пробежалась глазами по строчкам. Отчаяние и страх сквозили в каждой вежливой фразе. Конрад чувствовал себя безнаказанным.

— Это серьёзно, — тихо сказала я.

— Это лишь цветочки, — так же тихо ответила Илва. — Одна из камеристок Конрада весьма легкомысленная особа. Её легко подкупить. Неделю назад я подарила ей золотую брошь с горным хрусталем. Вчера она прибежала ко мне, дрожа как осиновый лист. Говорит, советник впал в настоящую панику после вашей встречи с ним. Весь вечер и часть ночи он жег какие-то бумаги в камине своего кабинета. Дымило так, что соседи беспокоились. Но одну пачку, плотную, в кожаном переплёте, не сжёг. Спрятал. В потайную нишу за портретом своего деда в том же кабинете.

Лорд Бертран издал низкое рычание.

— Крыса.

— Именно, — согласилась Илва. — Эти бумаги могут быть чем угодно. Списком его сообщников. Подлинными финансовыми отчётами. Доказательствами связей с иностранными агентами. Их нужно изъять. Легально.

— Вы уверены в надежности этой девушки? — спросила я, уже обдумывая варианты.

— Настолько, насколько можно быть уверенным в купленном человеке, — холодно ответила Илва.

Все взгляды снова устремились на меня. Мысль витала в воздухе, и мне нужно было оформить её в приказ.

— Завтра, — сказала я твёрдо. — Во время утреннего совета, когда Конрад будет здесь, отвлечённый. Капитан Маркус с двумя проверенными гвардейцами под предлогом «внеплановой проверки безопасности помещений» войдёт в его кабинет. Повод более чем легитимный — мы ищем скрытые магические ловушки, следы враждебного воздействия. В процессе такой проверки обнаружение потайного тайника будет выглядеть… закономерно.

Бертран хмыкнул, одобрительно кивнув.

— После сегодняшнего доклада о проклятии в ваших покоях такой повод более чем уместен. Все будут понимать необходимость проверки.

— Лорд Бертран, — я повернулась к нему. — Проинструктируйте капитана Маркуса. Лично. Только он, Геральдис и два человека, которым вы доверяете, как себе. Чтобы людей Конрада поблизости не было. Изъятые бумаги — немедленно мне.

— Будет исполнено, Ваше Величество, — старый воин кивнул.

— Отлично. Леди Илва, проследите, чтобы камеристка в нужный момент случайно оказалась поблизости и «помогла» гвардейцам найти потайной механизм. Её рвение должно быть вознаграждено, — я встретилась с Илвой взглядом, и она едва заметно кивнула, понимая, что речь не только о монетах, но и о будущей полезности этой девушки. — Лорд Бертран, леди Камилла, приступайте к своим спискам. От вас зависит наша стратегическая ясность.

Они ушли — Бертран и Камилла, чтобы начать работу над своими списками, Илва — чтобы убедиться, что завтра утром камеристка Конрада будет занята нужным делом.

Я осталась одна, но ненадолго. Следующая встреча требовала иного подхода. Через час мне доложили, что барон Годфрей прибыл на чай. Я велела провести его не в парадную гостиную, а в мой личный будуар, где уже был накрыт низкий столик с серебряным чайником, фарфоровыми чашками и скромным угощением — орехами, сушеными ягодами и медовыми лепешками.

Барон вошел с осторожностью человека, не привыкшего к интимным аудиенциям. Управляющий королевскими землями и лесами выглядел именно так, как и должен был выглядеть специалист своего дела: его одежда была добротной, но без изысков. Он был «тёмной лошадкой» — ценнейший ресурс и потенциальный союзник.

— Ваше Величество, — он поклонился, движения его были угловаты, лишены придворной плавности.

— Барон Годфрей, прошу, садитесь. Благодарю, что откликнулись на мое приглашение, — я жестом указала на кресло напротив.

— Всегда к услугам короны, Ваше Величество, — ответил он голосом, похожим на скрип сухого дерева. Его взгляд был острым и оценивающим.

Я сама разлила чай из серебряного чайника, протянула ему одну чашку. Он взял её осторожно, боясь уронить хрупкий фарфор.

— После сегодняшнего совета я ещё раз убедилась, что фундамент королевства — это не стены и не чары, а плодородная почва и руки, которые её обрабатывают, — начала я. — И у меня есть вопрос к вам как к эксперту.

Я села напротив, отложила в сторону свою чашку и достала из складок платья лист бумаги. На нём я с вечера, по памяти из прошлой жизни и с помощью скудных знаний Морганы о местном земледелии, нарисовала схему. Примитивную, но понятную.

— Я наслушалась докладов об истощении земель, о падающих урожаях, — начала я, кладя рисунок на стол между нами. — И в моей голове после возвращения всплыло знание. Возможно, глупое. Возможно, неприменимое здесь. Вы знаете землю как никто другой. Скажите честно: это бред сумасшедшей или в этом есть смысл?

Я подвинула к нему лист. Он взял его, поправил очки на носу, которые достал из кармана, и уставился. На бумаге была схема трёхпольного севооборота. На первом — условное изображение колосьев с подписью «озимые (рожь, пшеница)». На втором — «яровые (овёс, ячмень)». На третьем — «пар (отдых)». Стрелки показывали ежегодную ротацию: первое поле становилось вторым, второе — третьим, третье — паровым.

— Чередование культур нужно для поддержания плодородия почвы. Если на одном участке из года в год растёт одно и то же, через несколько лет урожаи сокращаются. Одинаковые растения извлекают из почвы одни и те же элементы, со временем их начинает не хватать, и растения уже не могут нормально развиваться. Чередование культур таким образом, чтобы они брали из земли разные вещества, и почва успевала восстановиться в течение цикла, — пояснила я.

Барон Годфрей молчал так долго, что я начала нервничать. Он водил толстым, потрескавшимся пальцем по стрелкам, его губы беззвучно шевелились. Потом он снял очки, протёр их краем плаща и надел снова, словно не веря глазам.

— Это… это не глупость, — наконец выдохнул он, и его голос прозвучал совсем иначе — уверенно, почти страстно. — Это хорошая система. Поле под паром… земля отдыхает, набирается сил… потом озимые, которые используют зимнюю влагу… потом яровые… и снова пар. Это гениально в своей простоте. У нас же сейчас — одно поле до тех пор, пока оно не умрет, потом забросить, раскорчевать лес… это каторжный труд и мизерный урожай. А так…

— он взглянул на меня, и в его взгляде читался неподдельный азарт. — Это имеет смысл, Ваше Величество. Огромный смысл. Почему мы до этого не додумались?

— Иногда нужно посмотреть на проблему с другой стороны, — уклончиво ответила я. — Но это лишь теоретическая схема. Будет ли это работать на наших почвах? С нашим климатом? Нужно ли менять культуры? Это вопросы, на которые может ответить только вы.

Он снова уткнулся в рисунок, бормоча что-то себе под нос о кислотности, о севообороте, о том, какую именно бобовую культуру лучше сеять на севере, а какую — на южных склонах. Это был эксперт, признавший в собеседнике источник интересной, многообещающей идеи. Диалог на равных начался.

— Нужны испытания, — отрезал он наконец, отрываясь от бумаги. — Небольшие участки. Хотя бы три года, чтобы увидеть разницу в урожайности. И… и убедить крестьян. Они консервативны. Им свой способ от дедов известен.

— А если начать не со всей страны, а с королевских доменов? С тех земель, что находятся в непосредственном управлении короны? Как испытательный полигон. Под вашим руководством.

Он замер, чашка в его руке задрожала.

— Моим руководством?

— Кого же ещё, барон? — я откинулась в кресле, делая вид, что это само собой разумеется. — Вы единственный, кто способен воплотить эту идею в жизнь. Я предоставлю вам полную свободу действий на выбранных угодьях, необходимые ресурсы и власть пресекать саботаж. Вы будете отчитываться только передо мной. Если система даст результат, мы распространим её по всему королевству. Ваше имя войдет в историю как имя человека, который накормил Олденир.

Я видела, как в нем борются сомнение, страх ответственности и жажда сделать то, во что он верил. Вера победила. Он выпрямился, и его осанка изменилась.

— Я… я сделаю всё, что в моих силах, Ваше Величество.

— Я в этом не сомневаюсь, — я улыбнулась и подняла свою чашку. — За успех нашего начинания.

Мы выпили чай. Разговор перетек на конкретику: какие именно земли выбрать, какие культуры сеять, сколько нужно скота для удобрения. Я слушала, задавала вопросы, признавая его экспертность на каждом шагу. Я получила союзника, чья преданность теперь была скреплена делом, в которое он верил.

Глава 9. Налаживание связей ч2

После его ухода я почувствовала странную усталость — не физическую, а нервную. Но остановиться было нельзя. Следующая беседа требовала иного тона, иной стратегии.

После ухода Годфрея я дала себе короткую передышку, выпила еще чашку уже остывшего чая. Затем позвала Фриду и велела пригласить ко мне лорда Эдгара, Верховного судью.

Он явился быстро — человек долга, привыкший к срочным вызовам. Высокий, сухой, с лицом, будто высеченным из желтоватого мрамора, и пронзительными глазами. Консерватор, хранитель печати и традиций. Именно он будет сопротивляться любым резким реформам на правовом поле, если почувствует в них угрозу устоявшемуся порядку.

— Ваше Величество, — его поклон был точен.

— Лорд Эдгар, прошу, садитесь. Благодарю за оперативность, — я указала на кресло, которое только что покинул Годфрей. — Мне нужен ваш совет как хранителя Закона.

Он сел, сложив руки на коленях, весь внимание.

— После сегодняшнего разоблачения, — начала я, — стало очевидно, что в королевстве завелась не просто коррупция, а государственная измена. Кто-то не только воровал у казны, обрекая народ на нищету, но и впустил в самое сердце замка — в покои королевы — магическое проклятие. Фактически, это покушение на жизнь правителя и подрыв основ государства.

Эдгар кивнул, его лицо не выражало ничего, кроме профессиональной сосредоточенности.

— Для законного преследования этих людей, для того чтобы они предстали перед судом и понесли заслуженное наказание, мне нужны безупречные процедуры. Я не хочу, чтобы из-за судебной ошибки или формальной оплошности виновный ушел от правосудия. Это подорвет веру в закон и в корону. Поэтому я прошу вас, лорд Эдгар, — я посмотрела ему прямо в глаза, — составьте мне подробный список всех необходимых действий и документов для возбуждения дел о казнокрадстве в особо крупных размерах и о покушении на особу монарха с использованием магии. Какие доказательства требуются, как их нужно задокументировать, чтобы они имели силу в Суде Пэров, какие процедуры ареста и допроса необходимо соблюсти. Я хочу, чтобы всё было сделано по букве закона.

Я видела, как в его глазах загорелся холодный, профессиональный интерес. Я не требовала нарушить закон, а требовала безупречного исполнения. И это был язык, который он понимал и уважал.

— Составьте мне, пожалуйста, список, — продолжила я. — Какие именно действия мы должны предпринять для законного преследования лиц, подозреваемых в казнокрадстве и государственной измене? Какие документы нужно собрать? Какие свидетельские показания заслушать? В какой последовательности? Как обеспечить, чтобы обвинение было железным? Я не хочу скорой расправы. Я хочу справедливого суда. И в этом мне нужен ваш опыт, как хранителя Закона.

На мраморном лице Эдгара появилась тень удовлетворения. Его ценили. К нему обращались как к специалисту высшей инстанции.

— Это очень мудрое решение, Ваше Величество, — произнес он, и в его голосе впервые прозвучали нотки почти что одобрения. — Действительно, любая поспешность в таком деле может привести к краху всего процесса. Закон должен быть подобен несокрушимой стене. Я подготовлю для вас исчерпывающий список. Со ссылками на соответствующие статьи Королевского Кодекса, прецеденты и требуемые формы документов. В нём будет прописана вся цепочка: от первичного сбора улик до вынесения приговора Суда Пэров.

— Именно этого я и жду, — кивнула я. — И, лорд Эдгар, эта информация — строго конфиденциальна между мной и вами. Пока мы не соберем полный комплект неоспоримых

доказательств, любая утечка может спугнуть виновных и дать им время уничтожить остатки улик или бежать.

— Абсолютная конфиденциальность является основой судебного следствия, Ваше Величество, — с достоинством ответил он. — Будьте уверены.

Он удалился, и я почувствовала, что еще один важный механизм начал работать. Консерватор, который мог бы чинить препятствия реформам на правовом поле, теперь был вовлечен в процесс на моей стороне. Его самолюбие юриста и хранителя традиций было удовлетворено: королева не ломала закон, а требовала его самого строгого соблюдения.

Последняя встреча дня была самой тонкой. Прелат Ансельм — человек, чья власть проистекала не из кошелька, а из веры. С ним нельзя было говорить на языке приказов, только на языке символов и духовного авторитета.

Вечерние тени уже полностью поглотили замок, когда я отправила приглашение Прелату Ансельму присоединиться ко мне для скромного ужина в моих личных покоях. Это был самый тонкий и опасный разговор. Платье я надела тёмное, простое, без лишних украшений, кроме маленькой серебряной подвески в виде полумесяца — намёк, который он, безусловно, заметил.

Он пришел в белых с серебром одеждах Храма Луны, от которых в полумраке словно исходило сияние. Его лицо было бледным, аскетичным, глаза — глубокими и изучающими. Духовный представитель, управляющий церковным имуществом и влиянием. Прагматик и политик до мозга костей. Его поддержка была условной — он поддерживал бы ту власть, которая усилит церковь.

— Прелат, благодарю, что пришли, — я встретила его жестом к уже накрытому столу. — После тяжелого дня думаю, нам обоим нужна пища не только для тела, но и для души.

— Истинно так, Ваше Величество, — его голос был тихим, но очень четким. — День был наполнен откровениями.

Мы сели. Слуги внесли легкие блюда — бульон, рыбу на пару, тушеные овощи. Я отослала их, оставив нас наедине.

— Именно об откровениях я и хотела поговорить, — начала я, когда мы остались одни. — Вы присутствовали сегодня в зале. Вы видели и слышали. Вы знаете, что Вечный огонь в моей часовне оскорблён. Он был осквернен тьмой, что прокралась в эти стены.

Он замер, его пальцы застыли на крае бокала. В его взгляде читалось напряженное внимание.

— Я не могу допустить, чтобы это осквернение оставалось неискуплённым, — продолжила я тихо, но страстно. — Я хочу, чтобы его повторное возжжение стало не просто техническим актом. Я хочу, чтобы оно превратилось в публичную церемонию очищения и обновления для всего королевства. Актом, который сплотит людей в эти тёмные времена, напомнит им о Серебряном Свете, что не гаснет даже в самую долгую ночь.

Я видела, как в его глазах вспыхивает огонь. Он был прагматиком и политиком, но прежде всего он был служителем культа. Предложение публичной, масштабной церемонии, которую возглавит он, глава храма, — это было то, о чём он мог только мечтать. Это усиливало влияние церкви, напоминало всем о её центральной роли в жизни государства.

— Это… благородное стремление, Ваше Величество, — сказал он, стараясь сдержать волнение в голосе. — Обряд повторного освящения и возжжения Вечного огня после осквернения — дело сложное и требующее тщательной подготовки.

— Давайте обсудим, как превратить это в событие, которое запомнится на десятилетия, — мягко прервала я его. — Чтобы каждый житель столицы, от вельможи до простого ремесленника, чувствовал себя причастным к этому очищению. Чтобы это стало не моей победой, а победой Света над тьмой, в которой мы все вместе участвовали. Мне нужен ваш совет, ваше духовное руководство в этом вопросе.

Я предлагала ему именно то, чего он жаждал: публичное влияние, роль духовного лидера нации, центральную роль в моменте исторического обновления. Но я делала это на своих условиях. Церемония должна была сплотить людей вокруг короны и церкви вместе, а не противопоставить их. Она должна была стать символом нового начала, которое инициировала я.

— Нужно выбрать дату, следующую за новолунием, — заговорил он, уже полностью увлечённый. — Символ нового цикла. Шествие должно пройти от Главного Храма до замка. С участием всех гильдий, с раздачей освящённого хлеба и соли простолюдинам… Это потребует недель подготовки, Ваше Величество.

— Тогда нам стоит начать планирование уже завтра, — сказала я, улыбаясь. — Я предоставлю в ваше распоряжение необходимые средства и полномочия. Давайте создадим не просто церемонию, Прелат. Давайте создадим легенду.

— Я представлю вам план к утру.

— Я с нетерпением жду, — я улыбнулась и подняла бокал с водой. — За новое начало.

Мы коснулись бокалов. Самый опасный из потенциальных противников — глава могущественной церковной структуры — был вовлечен в общий проект. Его амбиции теперь работали на укрепление моего имиджа, а не против него. Он получал трибуну и признание, я — сакральное благословение и легитимность в глазах верующих.

После его ухода я осталась сидеть у камина, чувствуя чудовищную усталость. За один день я провела публичный разгром, заложила основы военной и экономической стратегии, начала сбор компромата, привлекла на свою сторону эксперта-земледельца, обезоружила главного законника, встроила в свою повестку церковь. Каждый шаг был рискованным. Каждое слово — взвешенным.

Глава 10. Эскалация

Утренний совет начался в гнетущей, напряженной атмосфере. Я сидела на троне, чувствуя, как холодный воздух зала пробирается сквозь ткань платья, несмотря на усилия Геральдиса.

Я вела собрание, намеренно затягивая обсуждение бесконечных рутинных вопросов — ремонта мостовой в третьем квартале, спорных границ выпаса между двумя баронствами, жалоб виноделов на новый налог на бочки. Каждую тему я поворачивала так и этак, требуя уточнений, отправляла на доработку, вызывала для пояснений мелких чиновников. Всё для одной цели — чтобы Конрад Лехтенберг не мог покинуть зал.

Конрад занял свое привычное место у длинного стола, но его обычная самоуверенность куда-то испарилась. Он был бледен, словно призрак, и его пальцы нервно постукивали пером по деревянной столешнице.

Я намеренно затягивала обсуждение. Леди Илва, с безупречным пониманием ситуации, поднимала один рутинный вопрос за другим: о предстоящем весеннем празднике, о размещении гостей из соседнего графства, о закупке воска для свечей в храме. Каждый пункт обсуждался с неестественной тщательностью. Лорд Бертран хмурился, явно считая это пустой тратой времени, но я ловила его взгляд и едва заметно качала головой. Ждать.

Конрад сидел, как на иголках. Он пытался вставить что-то деловое, отчитаться о прогрессе в составлении новых финансовых ведомостей, но его слова звучали путано и бессвязно. Петля затягивалась, и он это знал, но не мог понять, откуда придёт удар. Я ловила его панические взгляды и отвечала ледяным, равнодушным спокойствием.

Тем временем, в полном соответствии с планом, в кабинет советника Конрада, расположенный в западном крыле, вошла группа людей. Капитан королевской гвардии Маркус Ройд, лично проинструктированный накануне лордом Бертраном, возглавлял небольшой отряд. С ним были два проверенных гвардейца из его личной роты — суровые, молчаливые профессионалы. И Геральдис. Его обычная насмешливость куда-то испарилась, оставив лишь сосредоточенную деловитость.

Предлог был идеален, особенно после вчерашнего шока: «Срочная проверка помещений на предмет остаточных магических угроз и скрытых проклятий». После разоблачения отравления в покоях королевы такой приказ не вызывал вопросов даже у приверженцев Конрада.

Им открыл дверь перепуганный младший писец. Капитан Маркус, не церемонясь, вошёл внутрь.

— Капитан? Советника Конрада сейчас нет, он на утреннем…

— Срочная проверка по прямому приказу короны, — отрезал Маркус, не повышая голоса. Его тон не оставлял сомнений. — На предмет остаточных магических угроз и скрытых проклятий.

Писцы замерли, потом, бормоча извинения, покорно отступили к стене. Геральдис сразу приступил к работе. Он вытащил один из кристаллов и начал медленно обходить кабинет, водя им в воздухе, будто сканером. Кристалл слабо светился, то затухая, то вспыхивая голубоватым светом при проходе вдоль книжных полок и массивного письменного стола.

— Здесь чисто, — бормотал он для протокола. — Остаточных следов враждебной магии не обнаружено. Мебель… стены… обычное накопление бытовых чар.

Именно в этот момент, как и было условлено, в дверном проёме появилась камеристка Конрада, девушка лет восемнадцати, с притворно испуганным лицом. Её звали Элис. Она замерла на пороге, кулачки прижаты к груди, широко раскрытыми глазами наблюдая за происходящим.

— Вы что тут делаете? — прошептала она. — Это кабинет советника…

— Проверка по приказу королевы, — сухо ответил капитан Маркус, не глядя на неё. — Ты кто?

— Я… я убираю его личные покои, — девушка сделала шаг внутрь, её взгляд скользнул по стенам, будто ища что-то. — О, господа, будьте осторожны с портретом! Старый мастер Лоренцо писал, он очень хрупкий!

Она поспешила к большому портрету в золочёной раме, изображавшему сурового старика в парике — деда Конрада, основателя благосостояния их рода. С показной заботливостью она поправила раму, как бы проверяя, не сдвинули ли её гвардейцы. И в этот момент её пальцы будто случайно нажали на резной дубовый завиток в нижнем углу рамы.

Раздался тихий, но отчётливый щелчок. Небольшая панель в резьбе рамы слегка отъехала в сторону, обнажив тёмную щель.

Все замерли. Даже Геральдис прекратил своё «сканирование».

— Что это? — капитан Маркус сделал шаг вперёд, его лицо стало каменным.

— Я… я не знаю! — вскрикнула Элис, отпрыгивая назад и прикрывая рот ладонью. — Я просто поправляла раму…

Геральдис подошёл, прищурился. Он поднёс свой светящийся кристалл к щели. Свет внутри замерцал тревожными, красноватыми всполохами, которых не было до этого.

— Здесь что-то есть, — произнёс он тихо, но так, чтобы слышали все. — Следы сокрытия

— Вскрыть, — приказал капитан.

Один из гвардейцев, вооружившись тонким кинжалом, аккуратно поддел панель. Она отскочила, открыв неглубокую, но просторную нишу, искусно скрытую в толще стены за холстом. Внутри лежала одна-единственная вещь: толстая папка из тёмной, гладкой кожи, перетянутая шнурком.

Капитан Маркус, не колеблясь, извлёк её. Шнурок развязался легко. Он раскрыл папку на первом попавшемся листе и пробежался глазами по тексту. Его брови медленно поползли вверх. Он перелистнул несколько страниц, потом ещё. Лицо его стало непроницаемым, но в глазах вспыхнул холодный, профессиональный интерес охотника, нашедшего добычу.

— Всё. Проверка окончена, — резко сказал он, захлопывая папку. — Закрыть помещение. Ничего не трогать. Эй, ты, — он кивнул на перепуганного писца. — Как кто-то попытается сюда пройти, передай: кабинет закрыт по распоряжению короны до окончания следствия. Идёмте.

Он вышел первым, крепко прижимая к груди кожаную папку. Геральдис и гвардейцы последовали за ним. Камеристка, всё ещё притворяясь напуганной, шмыгнула в коридор и растворилась в нём, чтобы доложить леди Илве, что дело сделано.

В тронном зале я как раз заканчивала разбор какого-то бесконечного спора о квотах на вылов речной рыбы. Конрад уже не просто постукивал пером — он дрожал мелкой дрожью, будто в лихорадке. Его бледность стала зелёной. Он понимал, что что-то идёт не так, что затягивание совета — не случайность. Но он не знал что.

И тогда дверь в зал с грохотом распахнулась. Вошел капитан Маркус.

Капитан Маркус выпрямился во весь свой немалый рост и произнёс громко, чётко, так, чтобы каждое слово долетело до самого дальнего угла:

— Ваше Величество! В ходе срочной проверки кабинета советника Конрада на предмет магических угроз обнаружены материалы, указывающие на государственную измену, покушение на особу монарха и казнокрадство в особо крупных размерах.

В зале повисла мертвая, абсолютная тишина. Казалось, даже воздух перестал двигаться. Все взгляды, как по команде, устремились на Конрада.

Тот вскочил так резко, что его стул с грохотом опрокинулся назад. Его лицо, и без того бледное, исказила гримаса животного ужаса, моментально перешедшего в ярость. Глаза выкатились, налились кровью.

— Это провокация! — закричал он, и его голос, обычно такой плавный и убедительный, сорвался на визгливый, дрожащий фальцет. — Подлог! Гнусная клевета! Капитан, вы участвуете в заговоре! Это они, — он дико ткнул пальцем в сторону Бертрана и Илвы, — они всё подстроили, чтобы очернить меня!

Я медленно поднялась с трона. Движения мои были спокойны, размеренны.

— Советник Конрад, — мой голос прозвучал ровно, без повышения тона, но он перекрыл весь шум в зале. — Вы задержаны до выяснения всех обстоятельств. Лорд Эдгар, вы уже подготовили все необходимые документы для начала следствия?

Я увидела, как Эдгар, сидевший среди советников, медленно, с достоинством кивнул. Он сделал свою работу безупречно.

— Капитан, — я повернулась к Маркусу. — Проводите советника в камеру для высокопоставленных особ. Без права переписки. Все обнаруженные документы — немедленно мне и лорду Эдгару для изучения и приобщения к делу.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Капитан Маркус сделал резкий жест. Двое гвардейцев, стоявших у дверей, направились к Конраду. Тот отшатнулся, его глаза бешено забегали по залу, ища поддержки, спасения. Он увидел лишь отвращение, страх, удовлетворённую злорадность на некоторых лицах (Бертран, Илва) и паническую растерянность на других — его возможных сообщниках или просто тех, кто боялся, что их очередь следующая.

— Вы не можете! Я требую суда пэров! Я — потомственный дворянин! — выкрикивал он, но гвардейцы уже взяли его под локти. Его ноги почти не держали, они волокли его к выходу.

— Суд пэров вам обеспечен, — холодно бросила я ему вдогонку. — После тщательного следствия. Уведите его.

Двери захлопнулись за его спиной. В зале ещё несколько секунд стоял гул, потом постепенно стих. Все смотрели на меня. Я выдержала эту тишину, этот тяжёлый взгляд десятков глаз.

— Работа Совета приостанавливается до завершения предварительного расследования, — объявила я. — Все текущие вопросы направляйте в канцелярию лорда Эдгара. Заседания возобновятся после того, как будет установлен весь круг причастных к этим преступлениям. Чистка совета начинается. Свободны.

Я не стала ждать реакций. Развернулась и вышла через боковую дверь. Позади, в зале, начался хаос — шёпот перерос в громкие обсуждения, кто-то пытался что-то выяснить у Эдгара, кто-то в панике спешил к выходу.

А в папке лежали документы. Подлинные, а не те выхолощенные отчёты, что Конрад представлял мне. Подробные финансовые ведомости с реальными, а не приукрашенными цифрами. Списки взяток, выплаченных и полученных, с именами, датами и суммами. Переписка с неизвестными покровителями, чьи печати были тщательно соскоблены, но стиль выдачи указаний и тон всевластия выдавали в них очень высокопоставленных особ. И самое страшное — наброски планов, схем, химические формулы.

Суть была ясна и ужасна. Долговременное магико-алхимическое отравление королевы Морганы с целью её убийства. Исполнителем значился лекарь Сигизмунд, придворный врач, найденный когда-то Алариком. В качестве возможного поставщика знаний или ресурсов упоминалось имя Аларика. А заказчиком, тем, чья воля сквозила между строк, был назван: г.Ф.

Я не сомневалась, что речь шла про герцога Фалька — брата покойного короля, моего покойного мужа. Он давно претендовал на регентство, а затем и на трон, интригуя из своего южного поместья. Его цель, согласно документам, была чудовищно проста: устранить регентшу до того, как она родит наследника, передав формальное право на трон Белоснежке, над которой — ребёнком — было бы несравненно легче установить контроль. Либо через её няню Агату,

которая, как выяснилось, была дальняя родственница герцога, либо через прямое регентство самого Фалька.

Второй пласт документов касался систематического разворовывания казны. Конрад был главным исполнителем, мастером по отмыванию и переводу средств. Бенефициаром и заказчиком снова выступал герцог Фальк. Подкупленные поставщики, мелкие чиновники, целая сеть. Цель Фалька была стратегической: ослабить корону экономически, создать искусственный дефицит и хаос, чтобы потом явиться в столицу в образе «спасителя», сильной руки, способной навести порядок и заслуживающей трон.

Поздно вечером я осталась наедине с собой в своих покоях. Огни в камине догорали, отбрасывая длинные, пляшущие тени на стены. Измотанность была тотальной, физической и душевной. Но триумфа, торжества победителя — не было. Была лишь тяжёлая, давящая пустота и грызущие сомнения.

Я только что публично разрушила жизнь человека. Пусть он был вором, предателем, пусть он участвовал в заговоре с целью убийства. Но я использовала методы, которые прежде презирала. Интриги, подкуп, публичное унижение, ловушку. Я стала холодным стратегом, почти не отличимым от той Морганы, чьё тело занимала. Разве что цели у нас были разными. Но оправдывает ли цель средства? Не становилась ли я чудовищем, борясь с чудовищами?

Мне нужно было поговорить. Мне нужен был тот, кто видел всё, кто знал всю подноготную, и чьё мнение не было обременено человеческой моралью. Я подошла к затянутому тёмной тканью зеркалу.

— Зеркало, — тихо сказала я. — Мне нужен разговор.

Я отдернула покрывало. Стекло было чёрным, как ночное небо без звёзд. В его глубине заколыхались тени, сгустились, приняв форму. Голос был бархатный и знакомый, но на этот раз без привычной ехидцы.

— Спрашивай, моя новая хозяйка. Сегодня был знаменательный день. Первая кровь на твоих новых руках – ведь советника придется казнить, если все обвинения подтвердятся. Чувствуешь тяжесть короны?

Я закрыла глаза на мгновение.

— Я использовала методы старой Морганы. Интриги, ложь, манипуляции. Я заставила людей бояться. Не становлюсь ли я такой же, как она?

В зеркале тень будто вздохнула.

— Власть не бывает чистой, девочка. Ты думаешь, твой покойный муж, этот «справедливый король», не приказывал казнить? Не заключал невыгодных браков по расчету? Не закрывал глаза на мелкую ложь вассалов, чтобы сохранить мир? Он делал. Разница в том, для чего. Старая Моргана использовала интриги для личной выгоды, для насыщения своей гордыни и страха. Ты используешь их для выживания и для спасения того, что ещё можно спасти. Разница — в цели. Но инструменты… инструменты часто одни и те же. Грязь липнет к рукам любого, кто копается в нечистотах государственного устройства. Вопрос в том, сможешь ли ты отмыть их потом. И захочешь ли.

— А смогу ли? — в голосе моём прозвучала искренняя, горькая неуверенность.

— Это покажет только время. Но помни: сегодняшняя победа — иллюзия. Конрад — пешка. Умная, жадная, но пешка. Настоящие враги, те, кто стоял за отравлением, кто манипулировал Алариком, чьё имя было в тех бумагах, — они ещё в тени. Арест Конрада — это не конец войны. Это её эскалация.

Я знала, что он прав. Герцог Фальк, Аларик с его связями в Ордене, лекарь Сигизмунд, который наверняка уже почуял опасность.

— А что, если я здесь не случайно? — вырвалось у меня. — Что если… это кара? За мою прошлую жизнь? За то, что я была плохой дочерью, слишком поглощённой работой, что не уделяла времени родителям перед их смертью? За то, что я сдалась в борьбе с болезнью,

позволила ей себя сломать? Может, я заслужила это? Быть брошенной сюда, в эту роль, в этот кошмар, чтобы искупить что-то?

Я вспомнила свою старую квартиру, одинокие вечера за отчётами, редкие, всё более формальные звонки матери, её тихий, разочарованный голос в трубке: «Ты всегда занята, Ирочка…». И чувство вины, которое я глушила работой, а потом — болезнью.

Зеркало молчало так долго, что я подумала, демон проигнорирует этот срыв. Но потом, после паузы, которая показалась вечностью, голос прозвучал снова. И в нём не было ни насмешки, ни бархатной игривости. Была странная, почти человеческая задумчивость.

— Величайшие перемены редко бывают случайны, — медленно начал он. — Но я, как демон, не вижу в тебе отметин божественной кары. Я не чувствую прикосновения высших сил — ни светлых, ни тёмных. Я вижу… дыру. Разрыв в полотне реальностей. Ткань бытия здесь, в этом мире, в тот миг, когда умерла Моргана, истончилась до предела. И скорее всего там, в твоём мире, в тот же миг, ткань истончилась тоже. Образовались две пустоты, две параллельные дыры. И они… схлопнулись. Твоё отчаяние встретилось с её отчаянием. Её тело было пустым сосудом. Твоя душа искала якорь. Ты заполнила пробел. Это не судьба. Это не карма. Это… авария мироздания. Странная, невероятная авария.

Я слушала, затаив дыхание. Его слова звучали безумно, но в них была жуткая, пугающая логика.

— Но теперь, когда ты здесь, ты можешь эту аварию превратить в замысел. Или не превратить. Выбор за тобой. Именно это и есть твоя свобода воли, о которой так любят рассуждать философы.

В комнате снова воцарилась тишина. Его слова не принесли утешения, но сняли давящее чувство предопределённого наказания.

— А… а что было с той Морганой? С её душой? — спросила я, осмелев.

— Ушла, — коротко ответил демон. — В место, куда уходят души людей. Осталась лишь пустота, которую заполнила ты.

Мы помолчали. Потом зеркало, к моему удивлению, спросило:

— А какова была другая жизнь? Тот мир? Ты почти не говоришь о нем.

Вопрос застал меня врасплох. Я откинулась от зеркала, глядя на свое отражение в темном стекле — отражение Морганы.

— Он… сложный, — начала я медленно. — Там нет магии. Но есть другие чудеса. Машины, которые мчатся быстрее лошади. Приборы, которые позволяют говорить с человеком на другом конце света. Знания… о болезнях, о строении мира, о звездах.

— И ты скучаешь? — спросил демон, и в его тоне снова проскользнуло любопытство, но уже без ехидства.

— По людям — да. Но по той жизни… нет. Там меня ждала только медленная, мучительная смерть. Здесь есть шанс. Есть Белоснежка, которую нужно защитить. Есть королевство, которое нужно поднять. Есть враги, которых нужно остановить. Это ужасно, страшно, но… это жизнь. Настоящая. А не ожидание конца.

— Значит, ты решила бороться, — констатировал голос из зеркала.

— Да, — просто ответила я. — Я решила бороться. И для этого мне нужна вся информация. Всё, что ты знаешь о герцоге Фальке. О его связях. О слабостях.

Зеркало тихо засмеялось, но на этот раз смех звучал почти одобрительно.

— Наконец-то правильный вопрос, хозяйка. Рассказ будет долгим…

Глава 11. Прямая трансляция

— Фальк… Да, я многое о нём знаю. Но слова — плохие проводники истины. Есть способ показать всё куда нагляднее.

Я насторожилась.

— Какой способ?

— Ты можешь увидеть куда больше, если зайдёшь в зеркало.

Я отступила на шаг, невольно бросив взгляд на своё смутное отражение в тёмной поверхности.

— Зайти… в зеркало? Что это значит? И зачем?

— Это значит временно выйти за пределы своей физической оболочки и присоединиться ко мне в этом… пространстве. Здесь, между мирами, я вижу многое. Могу показывать отрывки, сцены, как живые картины. Могу даже показать то, что происходит прямо сейчас. Увидишь его жизнь, его мотивы, его страхи. Услышишь его мысли. Это куда полезнее сухих докладов.

Идея была одновременно заманчивой и пугающей до дрожи.

— Это опасно? — спросила я, и голос мой прозвучал тише, чем я хотела. — Какие последствия? Для меня? Для тебя?

Последовала лёгкая пауза, будто он обдумывал, как точнее сформулировать.

— Для тебя — минимальная. Ты не покинешь своё тело надолго. Лишь тончайшая часть твоего сознания, твоё восприятие, присоединится ко мне здесь. Последствия… Мы на какой-то момент станем духовно близки, наши восприятия сольются. Я буду твоим проводником, ты — моим гостем. Ничего плохого для тебя в этом нет. Ты сможешь вернуться в любой момент. Для меня… — он слегка протянул последнее слово. — Для меня это будет редкая возможность не быть в полном одиночестве. Даже если ненадолго.

В его тоне, обычно насмешливом или бархатно-безразличном, прозвучала нота такой искренней, глубокой усталости, что у меня сжалось сердце. Я вспомнила, что он здесь — пленник. И что кроме меня, с ним, кажется, давно никто по-настоящему не разговаривал.

— Хорошо, — выдохнула я. — Что мне делать?

— Просто протяни руку. И сделай шаг.

Я медленно подняла правую руку и прижала ладонь к стеклу. Я ожидала встретить твёрдую, холодную преграду.

Но её не было.

Поверхность зеркала под моей ладонью поддалась. Как плотный, прохладный туман, как тягучая вода. Мои пальцы погрузились в неё без малейшего сопротивления, и за ними последовала кисть, запястье. Я ощутила не холод, а странную, нейтральную прохладу, обволакивающую кожу.

И тогда из тумана навстречу моей руке протянулась другая.

Она была мужской, с длинными, изящными пальцами. Тёплая. И гораздо более… настоящая, чем я ожидала. Я машинально вложила свою ладонь в эту руку. Пальцы сомкнулись вокруг моих — бережно, но уверенно.

— Шагай, — мягко сказал голос из глубины.

Я закрыла глаза и сделала шаг вперёд, навстречу отражению.

Я зажмурилась, инстинктивно ожидая удара о стекло. Но его не было. Был лишь лёгкий, упругий переход, словно я прошла сквозь плотную, прохладную плёнку мыльного пузыря. Я открыла глаза.

Вокруг был туман. Он простирался во все стороны, не имея ни стен, ни границ, ни верха, ни низа. В нём невозможно было определить расстояние или размеры. Я всё ещё чувствовала

тёплую, бережную руку, держащую мою. Эта рука была единственной точкой опоры, единственным ориентиром в этом безбрежном не-месте.

— Где… мы? — тихо спросила я, и мой голос прозвучал приглушённо, будто поглощённый ватой.

— В промежутке, — его голос прозвучал рядом, прямо у моего уха. Но сквозь туман я не видела никого, только смутные очертания. — Между поверхностью отражения и бездной, что за ним. Не бойся. Ты в безопасности. Смотри.

Туман перед нами сгустился, закрутился, и из него начало проявляться изображение. Сначала как смутные тени, потом всё чётче, пока не превратилось в живую, трёхмерную картину, висящую в воздухе. Это был кабинет, богато обставленный, но в более тёмных и мрачных тонах, чем мои покои. За массивным столом из черного дерева сидел мужчина.

Герцог Фальк.

Я узнала его сразу, хотя прошло много лет, как Моргана видела его. Ему было около пятидесяти, но выглядел он моложе. Темные, с проседью волосы, зачесанные назад, острые черты лица, жёсткий, сжатый рот и холодные, пронзительные глаза. Он что-то писал, его движения были резкими, яростными.

— Он ненавидит тебя, — тихо сказал демон. — Ненавидит с той самой минуты, когда его старший брат, твой покойный муж, взошёл на трон. Он считал себя умнее, сильнее, достойнее. Считал, что трон по праву должен был перейти к нему, ведь он был мужчиной, воином, а его брат был… «мечтателем», как он выражается.

Картина перед нами ожила. Перед ним стоял мужчина в дорожном плаще, запылённый, с усталым лицом. Это был его младший сын, Кетлбрун.

— …арестован сегодня утром, ваша светлость, — докладывал Кетлбрун, сгибаясь в почтительном поклоне. — Прямо в зале Совета. Королева велела увести его. Говорят, нашли какие-то бумаги в потайной нише.

Лицо Фалька не дрогнуло. Только глаза, холодные и пронзительные, как у хищной птицы, сузились.

— Глупец, — отрезал он без эмоций. — Предупреждал же, чтобы был осторожнее. Ничего. Конрад знает, что молчание — его единственный шанс. А если заговорит… ему не поверят. Он осуждённый вор. Его слово против слова герцога.

Фальк откинулся на спинку кресла, его пальцы принялись барабанить по столешнице.

— Это, однако, ускоряет наши планы. Королева… она стала непредсказуемой. Слишком активной. Нужно проверить все каналы. И подготовить «неприятный сюрприз» для столицы. Наши люди в городе готовы?

«Неприятный сюрприз». От этих слов похолодело внутри. Я видела, как в его кабинете начали проступать другие детали: карта королевства на столе с отметками, список имён на отдельном листе. Я не могла разобрать мелкий почерк, но демон, казалось, уловил моё желание. Изображение приблизилось к списку, и я смогла прочитать: «Цех красильщиков», «Гильдия возчиков», «Южный квартал, таверна «Три монеты». Это были очаги будущего бунта, купленного или спровоцированного.

— Он намерен устроить в столице хаос, — прошептала я, больше для себя. — Чтобы затем войти с войсками «для наведения порядка» и сместить меня.

— Именно, — подтвердил голос демона рядом. Его присутствие было осязаемым, но я по-прежнему видела только его руку, держащую мою. — Загляни глубже.

Картина сменилась, перемоталась, как кинолента. Теперь мы видели Фалька моложе, на совете при своём брате-короле. Он вскакивал, что-то горячо доказывал, тыча пальцем в карту, его лицо было искажено презрением. А король сидел, спокойно выслушивая, а потом мягко, но твёрдо отклонял его предложения о жёстком подавлении недовольства в пограничных областях или о превентивной войне с соседями.

— Каждый отказ, каждое проявление братской снисходительности он воспринимал как личное оскорбление, — комментировал демон. — Как доказательство слабости брата и своего превосходства. Его ненависть копилась годами. А потом появилась ты. Вернее, Моргана.

Сцена снова сменилась. Теперь это были покои Морганы, ещё до болезни. Она сидела перед зеркалом, а Аларик стоял за её стулом, его руки лежали на её плечах. Фальк наблюдал за этой сценой через полуоткрытую потайную дверь в гардеробной. И на его лице была не просто злоба, а ликование.

— Компромат, — прошептал демон. — Идеальный. Развратная королева, изменяющая памяти брата с магом. Он собирал доказательства, подкупал слуг, строил планы, как обнародовать это, чтобы свалить тебя и стать регентом при Белоснежке. Затем придумал план попроще.

Изображение расплылось, превратилось в хаос красок и звуков — обрывки разговоров Фалька с Алариком (маг выглядел напряжённым и недовольным), с лекарем Сигизмундом (тот подобострастно кланялся), с Конрадом (советник потел и заикался). Смысл был ясен: Фальк координировал их всех, как кукловод. Его цель — смерть королевы. А после — либо регентство над Белоснежкой, либо, если девочка «неожиданно» разделит участь мачехи, прямой путь на трон как последний взрослый законный наследник мужского пола. Мы прошли сквозь несколько воспоминаний и событий – разговоры с Конрадом, планы, интриги, подкупы.

— Почему? — вырвалось у меня. — Почему ты не рассказал об этой угрозе прошлой Моргане? Или… почему не пригласил её сюда, в это пространство, чтобы показать всё? Может, тогда…

Демон тихо рассмеялся.

— Прошлая Моргана была скучная, девочка. Озабоченная лишь своей внешностью, властью и страхом перед старостью. Она видела во мне только инструмент для лести и шпионажа за придворными. Да ещё и была моей тюремщицей, дочерью той, что создала эту клетку. Зачем мне было помогать ей? Чтобы она благополучно правила дальше, продолжая меня игнорировать или использовать? Нет уж.

Он слегка сжал мою руку, и этот жест был скорее… задумчивым.

— А ты… нынешняя… — его голос смягчился. — Ты не виновна в моём заключении. Ты даже сожалеешь о нём, я чувствую. И ты… куда умнее. И интереснее. В тебе есть любопытство. Жажда не просто власти, а понимания. Ты задаёшь правильные вопросы.

От этих слов мне стало и смешно, и горько одновременно. Смешно — потому что меня только что назвали «интересной» в сравнении с гламурной королевой-ведьмой. Горько — потому что эта «интересность» могла в любой момент закончиться моей смертью.

— Спасибо за комплимент, наверное, — пробормотала я.

В ответ я почувствовала, как его пальцы слегка погладили тыльную сторону моей ладони — почти невесомое, утешительное прикосновение.

Мне вдруг страшно захотелось увидеть того, кто говорит со мной таким голосом. Кто держит меня с такой осторожной бережностью. Медленно, почти неосознанно, я повернулась к нему и потянула свою свободную руку вперёд, в туман, туда, где, как я чувствовала, должно было быть его лицо.

Мои пальцы наткнулись на… кожу. Тёплую, гладкую кожу. Я вздрогнула, но не отдернула руку. Я осторожно провела кончиками пальцев по скуле, нащупала линию челюсти, твёрдый подбородок. Потом выше — губы. Они были мягкими, с чёткой линией. Нос — прямой, не слишком длинный, не слишком короткий. Брови, лоб… На ощупь это было самое обыкновенное человеческое лицо. Красивое, с правильными, сильными чертами. Ни рогов, ни чешуи, ни бездонных пустот вместо глаз. Просто… лицо.

И в этот момент, касаясь его, я вдруг почувствовала не только его кожу под пальцами. Я почувствовала волну эмоций, исходящих от него. Сначала — лёгкое удивление, затем…

настороженность, смешанную с чем-то ещё. А потом, сквозь этот поток, прорвалось что-то огромное, тяжёлое, давно ноемое.

Одиночество.

Нечеловеческое, всепоглощающее, многолетнее одиночество. Одиночество существа, запертого в стеклянной темнице, где никто не знал о его истинной природе, где с ним говорили лишь как с оракулом или льстецом. Где его воспринимали как вещь.

«Ведь о свойствах зеркала и демоне не знал никто — хотя бы этого хватило сделать ума прошлой Моргане», — пронеслось у меня в голове.

Горькое, жгучее сожаление заполнило меня. Я стала соучастницей этого заточения просто по факту своего пребывания в этом теле. Я унаследовала его тюремщицу. Мои пальцы замерли на его щеке.

— Прости, — вырвалось у меня шёпотом. — Мне… так жаль.

Он не ответил. Но одиночество в нём на мгновение дрогнуло, отступив, уступив место чему-то сложному и непонятному. Он не отстранился от моего прикосновения. И в этой тишине, в этой странной близости, я поняла, что у нас нет даже нормального способа обращаться друг к другу.

— Как тебя зовут? — спросила я тихо, убирая руку с его лица, но не отпуская его ладони. — У демонов есть имена?

Он засмеялся, и в этом смехе не было прежней насмешки, а была лёгкая, почти горькая ирония.

— Были. Те, что давали нам при рождении в иных сферах. Но здесь, в этой клетке… меня называли только «демон» или «дух зеркала». — Он сделал паузу. — Ты можешь дать мне имя, если захочешь. Хозяйка имеет такое право.

Я покачала головой.

— Нет. Я хочу знать твоё настоящее имя.

В тумане воцарилось долгое молчание. Казалось, он взвешивал что-то, решался.

— Ксил, — наконец прозвучало, тихо и чётко. — В мире, откуда я родом, меня звали Ксил.

— Ксил, — повторила я, пробуя имя на вкус. Оно было коротким, немного шипящим, странным, но не пугающим. — Я — Моргана. Хотя ты и так это знаешь. И… Ирина. Но здесь я — Моргана.

— Приятно познакомиться, Моргана-Ирина, — произнёс он, и в его голосе прозвучала едва уловимая, но искренняя улыбка.

Я улыбнулась в ответ в туман, чувствуя, как странная связь между нами из принудительной и опасной стала… чем-то иным. Почти что союзнической. Недоверчивой, хрупкой, но настоящей. Мы стояли так в сером тумане, связанные прикосновением рук.

— Покажи себя, Ксил, — попросила я.

Он замер. Потом раздался тихий, сдержанный хмык.

— Не сейчас, моя любопытная королева. У тебя там, снаружи, полно дел. А твоё тело стоит перед зеркалом в пустой комнате. Пора возвращаться.

Я хотела было возразить, но он не дал. Его рука мягко, но неумолимо потянула меня назад. Туман вокруг завертелся, поплыл. Я почувствовала то же упругое сопротивление, что и при входе, лёгкий толчок — и я уже стояла в своей спальне, по-прежнему лицом к зеркалу. Моя рука была опущена вдоль тела. В зеркале отражалась только я — бледная, с широко раскрытыми глазами, с непривычно ярким румянцем на щеках.

Глава 12. Точка кипения

Зеркало передо мной снова было просто тёмным, слегка мутным стеклом, отражающим моё бледное, ошеломлённое лицо. Но на коже ладони ещё сохранялось воспоминание о тёплых, бережных пальцах.

Я тяжело дышала, пытаясь уложить в голове увиденное и услышанное. Ненависть Фалька была чудовищна, но теперь я понимала её истоки. Это не оправдывало его, но делало его предсказуемым. Он был движим обидой, завистью и жаждой власти. И он считал, что имеет на трон право.

А демон… Демон был не просто «сущностью в зеркале». Он был одиноким существом, томящимся в клетке, созданной моей бабушкой. И прошлая Моргана лишь усугубляла это одиночество, пользуясь им как инструментом. Горечь сожаления скрутила мне желудок. Я невольно стала соучастницей этого заточения, просто унаследовав зеркало.

Я набросила покрывало обратно. Мне нужно было время, чтобы всё это переварить. Но времени, как всегда, не было.

Допрос Конрада Лехтенберга состоялся на следующий день. Я сама вызвалась присутствовать. Мне нужно было видеть его реакцию.

Камеру для высокопоставленных особ устроили в одной из башен — не сырой и страшной темницы, а в просторной, даже светлой комнате, но с решётками на окнах и прочными засовами на двери. Конрад сидел за столом, и вид у него был жалкий. Он был бледен как смерть, его дорогой камзол помят, но в глазах всё ещё тлела злобная искра.

Палач, мрачный детина в кожаном фартуке, стоял у стены, но орудия пыток не использовал. Пока что.

Когда я вошла в сопровождении капитана Маркуса и лорда Эдгара, он поднял на меня взгляд, полный ненависти.

— Ну что, Ваше Величество? — он выплюнул титул, как оскорбление. — Пришли лично насладиться зрелищем? Напрасно. Я ничего не скажу. Ни-че-го. А за меня отомстят. О, будьте уверены. Вы ещё пожалеете, что тронули меня.

Палач Бруно мрачно шагнул вперёд, но я подняла руку, останавливая его.

— Пытки ещё не потребуются, — сказала я спокойно. — И, думаю, не потребуются вовсе. Я хочу услышать правду.

Он замер, оценивая. Потом, видимо, решил, что раз пыток не будет, у него есть шанс вывернуться. Его поза чуть распрямилась.

— Правду? Я всегда служил короне верой и правдой! А теперь меня оклеветали завистники! Бертран, Илва… они хотят моей должности! И они натравили на меня того шута-мага! Я ничего не расскажу! А за меня отомстят! Вы не знаете, с кем связались!

Угроза прозвучала жалко, но он пытался.

— Господин Лехтенберг, вы переоцениваете свою значимость для тех, кто стоит за вами.

Конрад фыркнул, пытаясь выглядеть уверенным.

— Слабовато. Я знаю, чего стоят ваши угрозы. Вы ничего не знаете.

Я подошла немного ближе, сложив руки на груди. Лорд Эдгар приготовился записывать.

— Ведь он же тебе обещал, верно? Обещал поддержку, покровительство, высокую должность при новом дворе… когда он сядет на трон. А пока что он использовал тебя, как шлюху из Темного Переулка, Конрад. Выкачивал через тебя деньги из казны. Давал тебе грязные поручения. И ты надеялся, что, когда он придёт к власти, ты станешь главным советником. Верно?

Он молчал, сжимая челюсти, но паника в его глазах нарастала.

— Бумаги — вещь ненадёжная. Их можно подделать. Но есть вещи, которые не подделаешь. Знания, известные только двум людям. Например… — я сделала искусную паузу, глядя

ему прямо в глаза, — условие, которое вам поставил ваш покровитель, когда вы впервые согласились работать на него. Единственное условие, которое вы так и не выполнили.

Конрад нахмурился, не понимая.

— О чём вы?

— О его сыне, — тихо сказала я. — О мальчике, которого он потерял во время той ссоры с братом двадцать лет назад. Ребёнке от служанки, которого старый король велел тайно вывезти из замка, чтобы не позорить семью. Герцог Фальк всегда боялся, что мальчика убили по приказу его отца. Но на самом деле его просто отдали в чужие руки, под чужим именем. И всё, что он просил вас сделать все эти годы — найти хоть какой-то след. Хоть намёк на то, жив ли его сын. И вы ничего не нашли. Потому что и не искали по-настоящему. Вам было важнее набивать карманы.

Я видела, как с лица Конрада послойно сходит кровь. Его уверенность, его злоба, его надменность — всё это рассыпалось в прах, обнажив чистый, животный ужас. Его глаза округлились, губы беззвучно зашевелились. Эта информация была тайной за семью печатями. Её знали только Фальк, да ещё, возможно, пара старых слуг, давно умерших. Её не было в бумагах из тайника. Её не мог знать никто. Никто, кроме магического зеркала, которому чужды любые преграды.

В его голове, я видела это по его лицу, свершилась чудовищная переоценка. Все его надежды на спасение рухнули в одно мгновение. Если его покровитель выдал такую тайну, значит, ему уже всё равно. Конрад был обречён.

— Как… — прохрипел он. — Откуда вы…

— Фальк предал вас, Конрад, — продолжала я, мой голос был ледяным и безжалостным. — Он знал, что бумаги в тайнике — это ваша страховка. И он знал, что я могу их найти. А раз вы не нашли сына… зачем ему рисковать из-за неудачника? Он просто… перестал считать вас важным. Возможно, даже сам подсказал мне, где искать. Чтобы избавиться от ненадёжного звена.

— Всё, — прошептал он. — Он… он всё рассказал вам? Всё?

— Достаточно, — сказала я. — Но я хочу услышать вашу версию. Всю правду. И тогда, возможно, я подумаю, стоит ли использовать смертную казнь. Возможно, есть и другие варианты для вас.

Я и не собиралась его казнить. Но он не должен был этого знать.

Конрад поднял на меня взгляд, и теперь в нём была только покорность и страх. Страх перед мной, перед Фальком, перед виселицей.

— Я… я расскажу, — сдался он.

И он начал говорить. Потоком, сбивчиво, но подробно. Имена, даты, суммы. Роль лекаря Сигизмунда, связь Аларика с Фальком через Орден магов (Фальк обещал магистрам особые привилегии при своём правлении), система откатов и поддельных счетов, даже некоторые имена других, менее значимых участников заговора в совете. Он выкладывал всё.

Лорд Эдгар скрипел пером, записывая ровным, каллиграфическим почерком. Поток признаний лился как из прорванной дамбы. Он называл имена, суммы, даты, места встреч. Я слушала, кивая иногда, задавая уточняющие вопросы. Внутри у меня было холодно. В голове выстраивалась полная, чудовищная картина. Когда он закончил, выдохшись и опустив голову на стол, я медленно поднялась.

— Твои показания будут записаны и заверены. Пока что отдыхай. О моём обещании я не забыла.

Я вышла из камеры. Воздух в коридоре башни показался мне невероятно свежим.

Я отдала распоряжение писцам немедленно оформить протокол допроса в нескольких экземплярах. Один — в тайный архив. Другой — для лорда Эдгара. Третий… третий я припрятала про запас.

Спускаясь по винтовой лестнице, я размышляла о следующих шагах. Лекарь Сигизмунд был следующим звеном. Его нужно было взять тихо, чтобы не спугнуть возможных сообщников, о которых Конрад мог и не знать.

Мои мысли были прерваны, когда я вышла в один из внутренних дворов замка, служивший чем-то вроде хозяйственного прохода. И тут я увидела сцену, от которой кровь бросилась в голову.

В длинном, промозглом коридоре, у ведра с грязной водой, стояла на коленях Белоснежка. Её маленькие руки, покрасневшие от холода, сжимали тряпку. Она усердно терла ею каменные плиты пола. Рядом, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, стояла няня Агата. На её лице было выражение глубокого, праведного удовлетворения.

Я замерла на месте. Ярость, мгновенная, всесокрушающая, поднялась во мне с такой силой, что в глазах потемнело. Я давно отменила все приказы, эксплуатирующие девочку! Я велела, чтобы с ней обращались как с принцессой!

Белоснежка, услышав шаги, подняла голову. Увидев меня, она вздрогнула, её глаза расширились от страха и стыда. Она попыталась встать, но няня Агата тут же цыкнула на неё:

— Не отвлекайся, девочка! Работа не закончена.

Этого было достаточно. Я не помнила, как пересекла коридор. Я наклонилась и просто выхватила Белоснежку с пола, подхватив её на руки. Она была такой лёгкой. Я прижала её к себе, чувствуя, как её худенькое тельце дрожит.

Агата опешила лишь на секунду. Потом её лицо исказила привычная маска подобострастия, за которой пряталась старая, глубокая ненависть.

— Ваше Величество! Я просто воспитываю принцессу! Ей не достаёт смирения, усердия…

— Ей не достает детства! — закричала я, не в силах сдержаться.

Агата что-то ещё забормотала, пытаясь оправдаться. Я, не выпуская Белоснежку, двинулась к ней. И со всей силы, которая была в моих новых, здоровых мышцах, пнула ведро. Оно полетело, вращаясь, и обрушилось на няню, окатив её с ног до головы ледяной мыльной водой.

Та вскрикнула, захлёбываясь и отплевываясь.

— В следующий раз, — прошипела я, — я не ограничусь ведром. Уйди с моих глаз. Если я увижу тебя рядом с принцессой без моего прямого приказа — тебя высекут на площади. Понятно?

Она не ответила, лишь смотрела на меня снизу, с мокрых плит, глазами, полными такой лютой, бессильной злобы, что, казалось, воздух вокруг неё закипал. Но я уже повернулась и понесла Белоснежку прочь, в тепло, в свои покои, прижимая её дрожащее тельце к себе и шепча успокаивающие слова, которые, казалось, говорило не моё сознание, а что-то глубокое, почти материнское, проснувшееся где-то внутри.

Глава 13. Раскаяние

Я не ставила Белоснежку на ноги, пока не донесла её до своих покоев. Двери распахнулись перед нами, внутри было тихо и тепло — Геральдис, видимо, успел наладить отопление здесь. Воздух пах древесным дымом и сушёными травами.

— Фрида! — мой голос прозвучал резко.

Служанка появилась из соседней комнаты почти мгновенно. Её глаза скользнули по мне, по прижатой к моей груди девочке, и в них мелькнуло понимание и стыд.

— Ваше Величество…

— Принеси свеж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.